

евгений
гришковец

**ЛЕТО – ЛЕТО
И ДРУГИЕ
ВРЕМЕНА
ГОДА**

ODNO
VREM
ENNO .COM

Евгений Гришковец

**ЛЕТО – ЛЕТО и
другие времена года**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гришковец Е. В.

ЛЕТО – ЛЕТО и другие времена года / Е. В. Гришковец —
«Автор», 2017

ISBN 978-5-699-93499-7

Дневниковые книги Гришковца основаны на блоге, который Евгений ведёт в интернете. Зачем тогда покупать книгу? Остановиться, листая бумажные страницы, намного проще. Книга даёт возможность управления временем. Прошедшим временем. Скорость жизни сейчас такова, что не успеваешь толком прочувствовать, что-то пролистываешь, что-то оставляешь на потом, что-то стараешься не замечать. В этой книге – возможность заново посмотреть на прошедшие два года. Рассмотреть что-то, что не получилось рассмотреть сразу, удивиться тому, сколько событий они вместили, может как-то иначе расставить акценты. Чуть-чуть замедлиться.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93499-7

© Гришковец Е. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

2014	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Евгений Гришковец

ЛЕТО – ЛЕТО и другие времена года

Серия «Гришковец Евгений. Современная проза»

© Евгений Гришковец, 2017

© Серж Савостьянов, обложка, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

2014

26 мая

Хочу поделиться своими очень поверхностными, но яркими впечатлениями о Ташкенте.

Этой поездки я ждал и старался ничего себе не фантазировать, чтобы не было никакого уровня ожиданий и не случилось разочарований. К тому же я и не знал, что мне фантазировать, в каком направлении запускать фантазию. Город детства и юности моего любимого коллеги и друга Игоря Золотовицкого, который всегда говорил и говорит о родном Ташкенте с восторгом и нежностью, город, в котором родились и выросли многие мои знакомые... Это всё весьма образованные и яркие люди, которые по массе причин продолжили свою жизнь не в Ташкенте, очень скучают по городу детства и не хотят туда ехать, опасаясь крушения дорогого им образа. Город, о котором я слышал много самых тёплых и сладких историй. Город притягательный, желанный и аппетитный... совершенно не сочетался с тем городом, откуда ежедневно прилетают и прилетают тысячи людей, которым мы не рады и которые не рады нам... Люди, которые едут в непонятное им пространство заниматься тяжёлой, чаще всего грязной работой и жить в нечеловеческих условиях.

Так что летел я, стараясь не думать о том, что меня ждёт, а думать о том, кто меня там встретит... Я только приказал себе не ждать ничего особо экзотического и быть настроенным открыто и дружелюбно.

Летел из Калининграда в Ташкент «Узбекскими авиалиниями». Самолёт был довольно новый, чистый, стюардессы русские, пилоты, судя по фамилиям, – тоже. В Ташкент летело немного людей, а вот из Ташкента, стюардессы сказали, борт был полон.

Экзотика началась с объявления. В самолёте объявили стандартное: что курение запрещено в течение всего полёта, а также запрещено употребление и жевание насвая. На английский объявление не переводили. Я заинтересовался, и весёлая стюардесса объяснила, обратившись почему-то на «ты»: «Ты не знаешь насвая? Это типа табака. Они его жуют или сосут». Я поинтересовался, чем это может помешать полёту.

«Так они его плюют на пол. Где сидят, там и плюют. А если им это запрещается, они плюют его в туалете в рукомойник. И рукомойник забивается».

Лёту было четыре с половиной часа. Последний час я смотрел в иллюминатор. И всё время видел под собой коричневое пространство. Видимо, невысокие горы, без зелени и, наверное, без людей. Снежных вершин тоже не было.

Паспортный контроль прошёл быстро. Я знал, что меня должен встречать замечательный узбекский актёр Шухрат Иргашев. Игорь Золотовицкий попросил его встретить меня и позаботиться.

Чемодан я ждал час сорок. Все уже так или иначе получили багаж, и я остался один в небольшом помещении, вместе с пограничником. Никто не проявлял беспокойства, кроме меня. Маленького роста, очень смуглый пограничник с большим интересом смотрел фильм. В итоге мы посмотрели его вместе практически до конца.

В фильме пять или шесть американских спецназовцев непрерывно убивали афганских моджахедов. Американцы тоже гибли, но моджахедов они крошили десятками. Я знаю, что многие моджахеды – этнические узбеки, но ташкентский пограничник смотрел фильм с удовольствием.

Через час ожидания я взбеленился и обратился к пограничнику с просьбой выяснить судьбу моего чемодана. И тут понял, понял сразу, что узбек в форме и фуражке – совсем не тот узбек, который готовит плов или наливает вам чай. Я вспомнил своих сослуживцев-узбеков, которые, получив хотя бы одну лычку на погоны, изменялись до неузнаваемости и становились, в сущности, страшными людьми...

Узбекский пограничник сказал: «Чё тебе нада?! Я тебе паспорт хорошо проверил?! Ну и сиди спокойно!»

Таможенник порекомендовал позвонить по местному стационарному телефону и узнать про чемодан. Я позвонил. Мне ответил молодой женский голос. Девушка-диспетчер что-то лепетала, и когда я спросил напрямую: «Вы что, мой чемодан потеряли?» – получил гениальный ответ: «Нет, что вы! Мы его ищем».

Это был единственный неприятный эпизод моей поездки. Получив чемодан почти через два часа после прилёта, я вышел на знойный и ароматный воздух, меня встретил чудесный человек, народный артист Узбекистана Шухрат Иргашев, и мы поехали в город...

Я специально не ел в самолёте, потому что хотел вкусно поесть на месте. Про Ташкент все без исключения говорят, что в мире мало более вкусных городов. Разумеется, я хотел плова, но выяснилось, что вечером поесть плова не так уж просто, точнее, почти невозможно, потому что плов – не вечерняя еда. Мало того, я узнал, что плов – утренняя еда. Мне объяснили, что до недавних времён плов начинали есть на рассвете, то есть летом – с четырёх часов утра. Не так давно это законодательно запретили, и теперь плов в общественных местах едят не раньше семи... А потом на работу. Плохо себе представляю работу после плова, но узбекам как авторам плова виднее. (Хотя узбеки утверждают, что плов придумали в восточном походе в армии Александра Македонского.)

Но для меня вечером плов приготовили, и я понял, что надо поаккуратнее с высказыванием желаний, потому что их будут моментально и неукоснительно исполнять или пытаться исполнить.

Мой первый в Ташкенте плов был прекрасен! Я понял, что прежде и не ел плова. Тот плов был, как мне сказали, чайханский, то есть самый простой, без изюма, гороха и чего-либо ещё. Только баранина, рис, жёлтая морковь и специи. Очень подозреваю, что в плов добавляют что-то, что на плов подсаживает. Потому что оставшиеся дни, при всём многообразии выбора, я хотел именно плова, а после того как улетел из Ташкента, у меня случилось что-то вроде пловной ломки. В Иркутске и Чите то, что выдавали за плов, таковым не являлось, а ничего другого я некоторое время не желал.

Не буду рассказывать про их гостеприимство, культуру застолья и трапезы, невообразимое разнообразие всякой еды, от супа до сладостей. Не буду рассказывать о своих впечатлениях от рынка, к тому же Шухрат всё время говорил, что рынок уже не тот, город не тот, всё не то... Не буду также воспроизводить яркую галерею типажей и образов людей, которых довелось там увидеть. Не буду рассказывать про забавную, наивную и очень провинциальную ночную жизнь молодёжного Ташкента... Это надо видеть самому. Гарантирую, что всё понравится. И также гарантирую, что нам там рады. Вот только напоминаю, что узбек в форме и погонах – это особый узбек, даже по отношению к другим узбекам...

У меня была творческая встреча в легендарном театре «Ильхом». Про «Ильхом» я слышал давно. Те, кто бывал в Ташкенте и бывал в этом театре, гордились. В 90-е годы «Ильхом» был легендой независимого студийного театра. Я, конечно же, хотел побывать на его сцене. Счастлив, что побывал. Рад, что удалось немного помочь коллегам: билеты они продали все и быстро. От гонорара я отказался. Во-первых, творческая встреча – это не спектакль, а во-вторых, я приехал в Ташкент для радости и отдыха.

Люди собрались очень хорошие, разного возраста, разных национальностей. Я пока совсем не разбираюсь в ташкентской специфике и не могу понять по лицам и акценту, кто со мной говорит...

Я прочитал добрую половину спектакля «Прощание с бумагой», который мне не удастся привезти в Ташкент. Почитал новые маленькие тексты, ответил на вопросы. А вопросов было много, и всё хорошие: не формальные, а подлинные и глубокие.

Теперь очень хочу приехать в Ташкент с полноценным спектаклем, правда, декорации привезти не получится, но у меня есть и лёгкие в этом смысле спектакли. Хочу встретиться с более широкой ташкентской публикой и своей команде показать Ташкент.

Мне молодой узбек задал вопрос: ощущаю ли я себя русским в некоем русском пространстве, находясь в Ташкенте, разговаривая на русском языке. В его вопросе и интонации был определённый намёк на имперское сознание. Я ответил, что я не то что ощущаю, а я знаю, что я русский в столице Узбекистана. Но туристом я здесь себя не чувствую и не почувствую. По этой причине, в отличие от массы европейцев и американцев, которые приезжают в Ташкент, Бухару и Самарканд и непрерывно фотографируют всё подряд, от ишака до минаретов, я здесь фотографировать не хочу, потому что фотография ничего не передаст, да и я здесь хоть и в первый, но определённо не в последний раз. Я нахожусь не на чужой земле, в другой, но не чуждой культуре, и хоть я здесь не дома, а в гостях, в гости ходят не туристы, а друзья.

В Ташкенте прекрасно отпраздновали 9 Мая. Не пафосно, но как-то хорошо и правильно. Был красивый салют, много людей гуляли, очень щедро накрыли столы для ветеранов и пожилых людей. Много молодых людей ходили с георгиевскими ленточками. Также видел молодых людей с медалями: за какие-то узбекские заслуги, но на праздник они их надели. Праздник я в Ташкенте почувствовал.

Вообще в Ташкент на майские приехало много люда из России. Видел инфернальное зрелище: 10 мая, утром, в лобби гостиницы наблюдал за соседними столиками Сергея Шнурова и Стаса Михайлова. Они не были в одной компании, не общались, но видеть их в одном помещении забавно. Хотя... Есть люди, которые Михайлова и Шнура поют в караоке через запятую.

Спросил Сергея, зачем он здесь. Он сказал, что предпринял путешествие с женой по Казахстану и Узбекистану. Со Стасом я не знаком и не намерен. Но цель его присутствия была понятна по большим афишам, которыми был увешан весь город. Надо отдать должное ташкентцам: на концерт было куплено меньше половины билетов, я поинтересовался.

Улетел из Ташкента в Иркутск с таким количеством вопросов к этому городу, этому пространству и к самому себе!.. Много всего всколыхнулось во мне в Ташкенте. Всколыхнулись отголоски прежних лет, я вспомнил и остро почувствовал своё прежнее ощущение мироустройства и миропорядка, в котором Ташкент был частью большой, доступной и родной страны... Я непременно и как можно скорее хочу снова туда. И только когда снова побываю, смогу лучше написать о Ташкенте и, даст бог, других узбекских городах.

Из знойного Ташкента прилетел в заснеженный Иркутск. На пограничном контроле злющая девица в погонах, листая мой паспорт, спросила: «С какой целью вы были в марте в Грузии?» Занятный вопрос, заданный человеку, прилетевшему в мае из Ташкента в Иркутск.

28 мая

Сегодня ходил с сыном на «Годзиллу». Сам про себя тихонечко много смеялся, Саша смотрел серьёзно. Собственно, фильм адресован людям не старше тринадцати, а также тем, кто своих детей готов на такой фильм сопроводить и с большим удовольствием наблюдать не за смешным Годзиллой, а за собственным чадом, относящимся к Годзилле серьёзно.

Смотрел на то, с каким удовольствием американские кинематографисты разрушают свои города. В этот раз эффектно разрушили Сан-Франциско. Красиво рушатся небоскрёбы, красиво ломаются огромные вантовые мосты – и как же некрасиво в новостях разрушаются частные домишки или школьные здания из силикатного кирпича в Донецке и Донецкой области.

Как красиво – и всё красивее – разрушают в кино американцы свои мегаполисы и как некрасиво они же разрушают другие страны...

Утром вылетаю в Москву, вечером там концерт с «Мгзавреби». Опять будем много говорить с грузинами об Украине. У Гиги жена родом из Донецка, тёща там живёт. Поговорим – и пойдём играть концерт. Два часа музыки, дружбы и любви.

31 мая у меня спектакль в Оренбурге. Был в этом городе только однажды, впечатление осталось несколько размытое и невнятное. Что-то там случилось неприятное, но сейчас уже не помню. Очень хочу в этот раз многое уточнить и исправить впечатление. После Оренбурга будут знакомые поволжские города. Так начнётся моё лето.

Ещё хотел сказать немножко о Китае, который меня потряс. Не восхитил, не напугал, не разочаровал, а именно потряс. И хоть в Китай я вошёл как в бездонный океан, даже не по щиколотку, а, можно сказать, коснулся его поверхности пальцем, но взбудоражен я серьёзно. Всё для меня оказалось неожиданным. Я провёл около семи часов в приграничном городе Хэйхэ. Город настолько приграничный, что его хорошо видно с нашей стороны даже невооружённым глазом. Стоишь на берегу Амура и смотришь на Китай. А у них на самом берегу большой парк аттракционов со здоровенным колесом обозрения. Крутится колесо, смотрят на нас китайцы сверху вниз, из люлек...

Расстояние между нами – неширокая река Амур. Расстояние между нашими культурами, представлениями о мире, ощущение земли, на которой живём, – бесконечно.

Я много раз видел китайцев в Хабаровске и Владивостоке. Видел на рынках, на стройках, в гостиницах, видел совсем небогатых и тех, кто дорого одет. Видел китайцев в Париже, атакующих дорогие магазины. Правда, мне тут же говорили, что эти китайцы не с материка, а с Тайваня.

Я всегда знал, что китайское – плохое, дешёвое и некачественное. Похожее на настоящее, но фальшивка. Сделано в Китае – значит сделано не очень.

С самого детства я боялся китайцев, которых к тому моменту не видел, но в Кемерово частенько можно было слышать, что Китай рядом и что до нас доберутся если не в первую очередь, то скоро. Я всегда знал, что китайцев очень и очень много. Китай тогда был страшным, тёмным, обязательно голодным и обязательно опасным. Анекдотов про китайскую бедность и многолюдность было множество...

Представления о Китае менялись вместе со мной, но какие-то были с самого детства. В детстве никаких представлений о Новой Зеландии, Австралии или Канаде у меня не было. О Португалии не было. О Дании и Голландии не было, а о Китае были. И вот все накопленные за всю жизнь представления о Китае, от страшной, голодной, густонаселённой и нищей страны до площади Тяньаньмэнь, а потом – до экономического чуда и первой экономики мира... Всё это оказалось совсем не похоже на то, что я там встретил, точнее, на то, что там встретило меня...

Напомню, я побывал совсем немного в небольшом, по меркам Китая, городишке на периферии этой великой страны.

Та еда, которую мы едим у себя или в Европе как китайскую, не имеет ничего общего с тем, как и что едят сами китайцы. Я поел там два раза совсем в нетуристических местах. В первый раз я был в шоке и восторге от вкуса, разнообразия и даже ощущения насыщения едой. А второй раз я, скажем, был озадачен тем, что было предложено. Не буду описывать ни

еду, ни способы её подачи, а также употребления. Одно могу сказать: еда для китайцев дело невероятно серьёзное, и культура еды потрясает воображение. Такой безупречной чистоты и во всех смыслах недешёвого оснащения заведений, где едят китайцы средней руки, я мало где видел в мире. Конечно, я не бывал в бедных или нищих районах, которые, конечно же, есть, но я был во вполне средних заведениях.

Два часа я провёл в бане, не туристической, а в той, куда ходят китайцы. Как я понял, ходят часто и нередко семьями. Такого я вообще нигде и никогда не видел, и это тоже большая и давняя культура. По сравнению с самыми дорогими банями, какие я видел в России у провинциальных олигархов, китайская общественная баня просто Версаль, в котором всё продумано, всё имеет смысл и всё очень хорошо.

Город Хэйхэ не красивый и не некрасивый, в нём об архитектуре говорить не приходится. Ясно, что город построен быстро, по российским меркам моментально: меньше чем за тридцать лет. Построен не особенно основательно и с лёгким отношением к самому явлению города. Не на века. Не тщательно. Однако за внешним невыразительным фасадом может скрываться весьма глубокое и насыщенное содержание. А в этом содержании всё понамышано...

Как же у них там всё понамышано! В одном помещении, которое, кажется, высечено из цельного куска мрамора, может соседствовать космической красоты ваза, тончайшая, полупрозрачная, нефритовая статуэтка, удивительной красоты вырезанная из дерева рыба и нелепейший, дурацкий и пахнущий линолеумом диван. При этом на красивой мраморной стене может висеть дикий календарь, будто купленный в Египте или на рынке в Анапе. Много чего-то пластмассового, блестящего, дурацкого. Что-нибудь смешнее китайской рекламы и афиш китайских боевиков сложно найти.

Их бытовые представления о красоте, о европейском и американском так наивны, смешны, нелепы и часто безобразны, что диву даёшься! И в такие моменты нужно самому себе говорить, что их сознание совсем иное, но это то сознание, которое способно создать выдающуюся красоту, которую как красоту они, очевидно, часто не замечают.

С первой секунды моего пребывания за рекой Амур меня удивило то, что является самой простой и убедительной иллюстрацией состояния страны: меня удивило, насколько хорошо, по сравнению с нашими пограничниками и таможенниками, одеты китайские таможенники и пограничники. Хорошие ткани, убедительные модели и крой одежды, красивые фуражки, добротные пуговицы. Очень хорошая обувь. У них нормальная осанка, строгие лица и отличные очки на этих лицах. А ещё эти таможенники и пограничники работают быстро, эффективно, и они совсем-совсем не милые.

Они столь не милые к нашему брату из-за реки, что российские их коллеги могут показаться ангелами. А с какой стати им быть с нами милыми? Это мы к ним идём зимой по амурскому льду, а летом плывём на утлых теплоходиках. Это нам чего-то надо, причём по мелочи. А им надо по-крупному...

Там, за рекой, мелкими показались многие наши достижения и наши же проблемы. Маленьким увиделся самый большой наш мост на Русский остров. Смешными увиделись жалкие башенки Москвы-Сити.

Мне всё время говорили, что в Сибири асфальт плохо лежит потому, что очень большие перепады зимних и летних температур. В Ростове и Саратове перепады не такие большие, но асфальт тоже лежит неважно. Плохо лежит, часто вовсе не лежит.

Если мне кто-то будет говорить, что в Благовещенске и Хэйхэ условия для асфальта разные, боюсь, у меня возникнет сильное желание плюнуть этому человеку в бесстыжие глаза. За Амуром у китайцев асфальт лежит.

Хэйхэ город ничем не выразительный, но уж очень он сильно отличается своей городской структурой, широкими, хорошими дорогами, огромным количеством светофоров и про-

чей городской дорожной разметкой, какой-то очевидной продуманностью, а главное – волей тех, кто этот город построил.

Видимо, весь Китай живёт торговлей. Это тоже важнейшая составляющая китайской жизни. Я заглянул в бесконечный лабиринт китайского шопинга, понял, что я в нём ослепну и оглохну, и не стал углубляться. Так что про это сказать ничего толком не могу. Одно там было очевидно: дешёвого и плохого в центре Хэйхэ не найти. Наверное, можно найти недорогое и не очень хорошее, но по большей части – недёшево и неплохо.

Наверное, те, кто много бывает в Китае, надо мной посмеются. Но я говорю о том, что мне удалось увидеть, не углубляясь.

Больше всего поразили средние школы. Я их видел две, обе были большие и довольно величественные – их здания напоминают о сталинской архитектуре.

Территории школ прекрасны! Они большие, можно сказать, огромные по сравнению с нашими. Эти территории чудесно организованы. На них я видел и футбольные поля, и баскетбольные площадки, и корты для тенниса и бадминтона – чего только на этих площадках не было! А главное – на них было много детей разного возраста. Я стоял, любовался и слушал этот детский шум, радостнее и прекраснее которого на земле не существует шума. Все дети очень хорошо одеты...

А в Благовещенске во всём городе два дня не было горячей воды...

После этой поездки могу сказать, что мои ощущения и представления о Китае получили огромное развитие, однако понимания не добавили, а опасения скорее усилились. Опасения человека, которому всё равно нужно вернуться на другой берег, потому что только на своём берегу я могу жить.

А как же возросло моё любопытство! Теперь буду ждать следующей поездки – намного сильнее, чем я ждал своего первого посещения краешка Поднебесной.

Но я вернулся на свой берег, и здесь, на нашем берегу, завтра будут отправлены по адресам первые DVD-видеoverсии «Прощания с бумагой». Она наконец готова. Скоро её смогут взять в руки или просто увидеть, в первую очередь те, кто принял участие в её реализации, заранее купив свой экземпляр. Многие заплатили больше, чем требовалось. Я обещал весной выпустить видео, слово сдержать удалось. Всё-таки мы успели это сделать до лета.

Лето! Мы стоим на его пороге. Только у нас есть такое выражение: дожили до лета.

Как хочется, чтобы лето принесло радость, отдохновение и было долгим. Как хочется подвести перед отдыхом итоги рабочего тяжёлого года, который начался, когда прошлое лето закончилось. Как хочется, чтобы эти итоги были утешительными, а лучше попросту хорошими. Как хочется, чтобы не было тягостного ожидания плохих новостей. Как хочется безмятежности. Как часто – и совершенно по-детски – хочется чего-то недостижимого...

3 июня

Хочу сделать несколько коротеньких путевых заметок с берегов Волги. Сейчас я в Самаре, а до этого был в Оренбурге. Очень странное ощущение времени. В Оренбурге плюс два часа, а в Самаре время московское – это всё после недавних великих часовых реформ. Расстояние чуть больше четырёхсот километров – и на тебе. Во всяком случае, вершителя времени какое-то время не забудут.

Оренбург скорее порадовал. В прошлый раз я был давно, в 2007-м. Было ветрено, холодно, неуютно. Произошло несколько нелепых ситуаций, отвратительно поели в, как тогда нам было сказано, единственном возможном ресторане «Жигули». Теперь город встретил иначе.

Прилетели в Оренбург в шесть утра, было плюс четыре. Упал спать с открытым окном, проснулся от сильного зноя. Оказалось, к полудню было уже плюс двадцать восемь. Вот какие чудеса степного климата.

Город определённо похорошел, выпрямился, подрос. В смысле выпрямились покосившиеся исторические здания, выросла этажность новых домов. Город пострижен травой, выметен дворами. Люди часто и с явной гордостью спрашивают: «Ну как вам у нас?» Да и спектакль прошёл с оглушительным аншлагом, без единого звонка мобильного телефона. В прошлый раз было ровно наоборот. Вот только дороги оставляют желать. По причине дорог решили из Оренбурга в Самару не ехать, а лететь. Опытные люди сказали, что нужно закладывать на путь автомобилем часов шесть-семь, а долететь можно за полтора часа. Вот мы и полетели. Вылетели из Оренбурга в 7:30 утра, прилетели в Самару в семь утра. Летели на семнадцатиместной машине времени чешского производства. Этакая летающая маршрутка, забавное транспортное средство. Побольше бы таких на подобных расстояниях по всей стране.

Полтора года не был в Самаре, она в очередной раз и огорчила и порадовала. Порадовала прекрасной набережной – по сравнению с той, какой была. Убрали жуткие балаганы вдоль реки. Из тех балаганов всё время доносилась самая мерзкая музыка и самые явные крики. Прежде всё было загажено, замусорено и, прошу прощения, засрано. Теперь набережная чиста, с хорошими дорожками, вдоль неё устраиваются или уже устроены пляжи, я видел, как с большой баржи отсыпали на очередной пляж чистый речной песок. Но самое приятное – это люди, которые теперь пришли на набережную. Прежде таких я на самарской набережной не видел: потоки молодых людей и детей на роликах, велосипедах и других диковинных средствах pedalного, колёсного и колёсно-ножного передвижений. Много вальяжно прогуливающих, спортивно бегающих или созерцательно сидящих. Людей много. Видно, что они давно этого хотели. И также видно, что им радостно это иметь на месте, а не ехать или лететь куда-то.

Оба спектакля идут с аншлагом, хоть и тот и другой я уже здесь исполнял. Самарская публика и всегда была очаровательной, а нынче она по-летнему нарядная, радостная, свеженькая. Я впервые в Самаре в такие тёплые дни...

Однако весь основной город, в отличие от Оренбурга, покосился и поник. Я о старых улицах Самары, которые определённо составляют лицо этого города... О том, как они могли выглядеть когда-то или как должны выглядеть, можно только догадываться. Многочисленные памятники городской архитектуры находятся в чудовищном состоянии. Трещины, осыпавшаяся штукатурка, липкие побегии, торчащие из фасадов и крыш, осыпавшиеся лепные украшения. Облупившаяся колонна, запылённый, уставший и несчастный кирпич... Многие зияющие дыры и выщерблины прикрыты бесчисленными и в основном отвратительными вывесками или рекламой. Во дворы даже страшно заглядывать... Дороги в большей части города стали только хуже – хотя куда ещё хуже-то!

Трамвайные пути Самары – это особая тема. Они лежат такими волнами, что у не привыкшего к таким путям человека за три остановки запросто разыграется морская болезнь. А самарских детей после местных трамваев никакими американскими горками не удивить.

Вчера из-за того, что практически две ночи провёл почти без сна и в перелётах, после полуночи очень захотел шоколадку с изюмом. Поехал искать. Задача оказалась непростая. В районе гостиницы магазинчики, даже озаглавленные «24 часа», были закрыты. После нескольких неудачных попыток водитель сказал, что на площади Революции есть магазин, который точно работает. Мы приехали на площадь Революции. В архитектурном смысле площадь симпатичная. Магазинчик на одном из углов действительно работал. Возле него жило своей жизнью несколько автомобилей. Я подошёл к магазину и подивился тому, насколько разрушено и заплёвано его крыльцо. В самом магазине было ещё страшнее. Такой

замытой по углам грязи и такого запаха грязи я давно не видел даже на самых дальних и тупиковых железнодорожных полустанках, где и поезд-то останавливается не каждые сутки. И таких рыжих, весёлых и шустрых тараканов я тоже давненько в магазинах не видал.

Шоколадку я так и не купил, даже если бы нашёл. В магазине ко мне подошёл странный бородатый маленький человек, а при входе – не менее странная дама, которые озвучили одинаковое предложение. Они предложили мне купить водки или другого алкоголя. С середины восьмидесятых мне такого не предлагали. С тех самых пор, когда всегда можно было взять у таксистов.

Что же говорят самарские жители... А самарские жители хорошо видят то, что новый руководитель, которого прислали им из Мордовии, очень активен, часто демонстрирует силовую близость и дружбу с самой вершиной российской власти. И так же активно создаёт видимость бурной деятельности. Люди в Самаре по этому поводу уже не ропщут. Они привыкли к тому, что именно Самарской губернии и городу каким-то особым образом «везёт» с губернской властью. Последние свои надежды они связывают с тем, что город коренным образом изменится и возродится к восемнадцатому году, к чемпионату мира по футболу. Надеются, но в то же время понимают, что, скорее всего, кроме аэропорта, который сейчас вообще ничему не соответствует и никак не похож на аэропорт миллионного города, а также мерзких спортивных объектов, ничего толком в городе не сделают. Скорее всего, подкрасят и подшаманят фасады нескольких главных улиц, а мусор уберут во дворы... Сделают несколько магистральных дорог и направлений, которые в лучшем случае продержатся в хорошем состоянии до следующей весны. Ещё, конечно, появятся несколько гостиниц, кафе, ресторанов... Но после восемнадцатого года надежд на развитие не останется вовсе. Невесело смотрят в будущее жители Самары. Не понимают они, почему им прислали именно такого руководителя по фамилии Меркушкин.

Я тоже этого не понимаю. Я был в Мордовии, был в Саранске. Я, конечно, не Жерар Депардьё, который, как известно, остался от Саранска в восторге. Меня не встречали с песнями и плясками в аэропорту, и я, в отличие от Жерара, в Саранске пробыл два с лишним дня и работал... Я видел город равномерно залитым жидкой грязью. Я видел страшную жестокую драку на улице практически в самом центре. Я видел, в сущности, убогий и очень провинциальный город, в котором люди, кроме прекрасного собора и имени адмирала Ушакова, ничего про него сказать не могли. На спектакле в Саранске было чуть больше половины зала, было видно, что люди не привыкли ходить в театр. В целом столица Мордовии произвела впечатление чего-то даже не провинциального, а скорее периферийного. А аэропорт Саранска – это что-то особенное. Я такого никогда не видел, потому что такого нет нигде. Где есть такой аэропорт, в котором в отдельном здании ты регистрируешься, сдаёшь багаж и проходишь все досмотры, а потом садишься в автобус и довольно далеко, через какую-то деревню, едешь к взлётной полосе. Я нисколько не преувеличиваю, именно через деревню. Далеко.

И как же должно быть непонятно людям во многих больших городах России, почему часть чемпионата мира по футболу отдали Саранску. Что это? Неужели кто-то действительно рассчитывает сделать из Саранска туристическо-спортивный центр? Кто будет жить в тех гостиницах, что построят к чемпионату? Как этот по всем признакам бедный город будет содержать потом спортивные объекты? Зачем они небольшому городку? И кто будет летать во вновь построенный аэропорт? И почему руководителя столь очевидно неуспешного региона поставили на руководство куда более масштабной и непростой Самарской губернией? Совершенно непонятные шахматы с таинственными правилами и тёмными задачами.

Меньше чем через неделю снова буду в Саранске. Очень надеюсь увидеть то, что опровергнет моё первое впечатление. Жду встречи с местной публикой. Жду от них каких-то слов. Если я ошибся, с радостью ошибку признаю и непременно об этом напишу. Однако между Самарой и Саранском меня ещё ждёт Ульяновск...

5 июля

Месяц не вёл дневник. Такого перерыва себе не позволял. Почему так надолго преврался? По разным причинам. Сезон был особо затяжным и трудным. Накапливались темы, и не знал, с какой начать. Писать просто так, по привычке или чтобы напоминать о себе и самому не терять навыков, не хотелось. Вот и затянулась пауза.

За прошедший месяц были длинные и разные по впечатлениям и ощущениям гастроли по Поволжью. Радостное посещение Пензы и печальное впечатление от Саранска. Были завершающие сезон спектакли в Москве и полуобморочный от усталости отъезд на отдых.

Сейчас пишу с полюбившегося в прошлом году острова Корфу. Десять дней я тут и только теперь понимаю, что более-менее пришёл в себя и могу что-то записать в дневнике.

Отсыпался, отъедался, смотрел футбол, смотрел и читал новости, купался, то есть входил в неспешную, нормальную летнюю жизнь.

Перед самым окончанием сезона, 22 июня, сыграл спектакль «Как я съел собаку» в Москве. Этот спектакль мы записали на видео. Ещё зимой понял, что хочу это сделать. А потом понял, что сделать это необходимо.

Первая видеOVERсия этого спектакля была записана одиннадцать лет назад и не то чтобы устарела – документ не может устаревать – просто спектакль и я сильно изменились. А главное, сильно изменилась причина, по которой я продолжаю исполнять свой самый первый спектакль. Очень изменились зрители за те одиннадцать лет, которые спектакль существует. Зрительская аудитория по сравнению со мной сильно помолодела. Новым зрителям спектакля стали непонятны и не близки советские реалии, которые были так естественны чуть больше десяти лет назад.

Когда я делал «Как я съел собаку» в конце 1998 года и начинал его играть, меня увлекала и радовала сама возможность нанизывать на ниточку бесконечные бусинки точных жизненных воспоминаний. Тогда этого никто так не делал. Я видел удивление и радость зрителей, и нашему взаимному удовольствию не было конца... Теперь у этого способа высказывания появилось много последователей, которые сегодня порой и не догадываются о природе первоисточника. Это довольно забавно наблюдать, иногда даже приятно.

Но прошло одиннадцать лет, а с момента создания спектакля больше пятнадцати, и я понимаю, что меня перестали так глубоко интересоваться и радовать точные жизненные мелочи... Я внешне и внутренне изменился – если не до неузнаваемости, то глубоко и серьёзно... А спектакль продолжает жить под тем же названием, но наполненный и исполняемый мною другим.

Теперь «Как я съел собаку» – это точно выстроенное и композиционно выверенное произведение, пронизанное одной стержневой темой – темой взросления через встречу человека с государством, и в связи с этим осознания свободы как жизненно необходимой сути.

Спектакль стал длиннее по времени почти на четверть, при этом утратил многие трогательные и любимые зрителями эпизоды. Например, я отказался от истории с кукольными мультфильмами. Почему? Да попросту потому, что те, кому двадцать пять, уже не помнят, что кукольные мультфильмы были издевательством над нашими детскими ожиданиями...

Эта видеOVERсия снималась гораздо более скромным оборудованием, чем те, что были сделаны прежде. Это скорее попытка зафиксировать спектакль в его теперешнем виде и состоянии. Она не будет выпускаться диском. К концу лета монтаж будет завершён, и мы придумаем, как предоставить его тем, кто захочет посмотреть.

В следующем сезоне хочу сделать то же самое со спектаклем «ОдноврЕмЕнно», который весь прошедший сезон в абсолютно обновлённом виде с удовольствием исполнял.

Вот самая важная из моих новостей за последнее время.

Я давным-давно понял, что факт сам по себе никакого значения не имеет, а имеет значение только отношение к факту. Для кого-то важнейшей новостью прошедшего дня является проигрыш команды Бельгии, а для кого-то – победа Аргентины. Люди радуются или, наоборот, пьют с горя где-нибудь в Генте или Брюсселе. Кто-то радуется тому, что над Славянском поднят украинский флаг. А кому-то безразличны и футбол, и Украина. На острове Корфу это очень хорошо заметно. На маленьком для любого русского человека острове – и на большом острове для самих островитян или жителей более мелких островов.

Надеюсь, что именно этот остров позволит мне отключиться или хотя бы снизить градус переживания тех фактов, которые являются важными для меня. Надеюсь, потому что очень хочу писать здесь... Работать над новым спектаклем, который также, надеюсь, будет важным и нужным кому-то на Родине.

8 июля

На острове Корфу только-только спал дневной зной, и хоть вечерней прохладой ещё не повеяло, но уже вот-вот повеет. Ещё вовсю кричат цикады, но как-то, сам не пойму, как и почему, по каким признакам, чувствуется, что они уже устали шуметь и скоро затихнут для того, чтобы перевести дух и восстановить силы. Тонкое предвечернее летнее время на острове.

Корфиоты, с которыми мы были знакомы в прошлом году, в магазине, на рынке, на пляже узнают нас и радуются. Радуются сильнее и больше, чем если бы просто познакомились. Радуются тому, что видят нас снова... А я думаю, что радуются они потому, что мы, вернувшись на остров, подтверждаем их уверенность в том, что они живут в лучшем месте на свете – если вот эти люди (то есть мы) не нашли и не захотели искать ничего другого, а вернулись.

Перед самым окончанием сезона, во второй половине июня, у меня случились короткие гастроли на Север: в Мурманск и Архангельск. Здорово после севера отправиться на юг... Но и попасть в июне на север здорово! Я прежде ни в Архангельске, ни в Мурманске в июне не бывал – и там, и там бывал в июле. В июне весь мой Север ограничивался Санкт-Петербургом. Я старался каждый год захватить хотя бы несколько питерских июньских суток и насладиться белыми ночами. Именно насладиться... Однако в последние годы, много последних лет, этими ночами хочет насладиться слишком большое количество людей. Да ещё дважды совпал с питерским экономическим форумом, когда из Санкт-Петербурга лучше бежать – от количества эскортов, VIP-персон и душного пафоса.

К тому же на белые ночи выпадает масса разнообразных весёлых мероприятий, от которых становится очень невесело.

Короче, всем, кому хочется во второй половине июня получить особое ощущение от ночей и путешествия, рекомендую поехать в Мурманск. Впечатления будут сильные. Правда, белых ночей не обещаю. Белые ночи – в Питере, в Мурманске будут солнечные ночи. Главное, чтобы с погодой повезло. Мне в этом году повезло.

Удивительно, когда яркое солнце даже не коснулось сопки, когда оно жёлтое и лучистое, как днём, а на часах уже серьёзно за полночь, при этом все магазины и учреждения закрыты, улицы безлюдны, и только редкие автомобили проезжают по городу в ночном ритме движения, но фары их, как и днём, работают в режиме габаритов. Интересно идти по совершенно пустой улице и видеть свою отчётливую тень длиной метров пятнадцать.

Что-то есть могучее даже не в северной природе и не в особенном небе, а в самом городе Мурманске. Я почувствовал это и в первый свой приезд, но теперь ощутил сильнее.

Сила города, например, проявилась в таком эпизоде. Сидели ночью в заведении и смотрели матч Россия – Южная Корея. Матч, если кто-то ещё помнит, был ночной. В заведении пришлось наглухо закрыть жалюзи, потому что солнце засвечивало экран, и ни черта не было видно, хотя смотреть было откровенно не на что. Когда матч закончился и все стали расходиться, одна посетительница спросила, как мне в Мурманске. Я сказал, что очень нравится, но совершенно запутался во времени суток, и ночью сна ни в одном глазу. Кто-то, услышав это, усмехнулся и сказал, что мне нужно в таком случае приезжать в январе, когда спать можно круглые сутки.

– А когда солнце-то зайдёт? – спросил я присутствующих.

– В августе, – услышал я весёлый ответ. – Слабо́ вам так жить?

– Слабо, – искренне и не задумываясь ответил я.

Сильный город!

Свозили меня в Североморск, выбили пропуск и свозили. Побывал на большом сторожевом корабле, пообедал с командиром. К обеду, узнав, что я на борту, подошли несколько офицеров из командования бригады, все младше меня. Командир по сравнению со мной вообще мальчишка. А я всё играю «Как я съел собаку» в матросском звании.

Хорошие мужики. Настоящие.

Спустился в кубрик, посмотрел на матросиков. Один год служить можно. К тому же Северный флот ходит в море, некоторые ребята успевают погонять сомалийских пиратов.

Поинтересовался у молодого офицера, каковы у матросов взаимоотношения, нет ли неуставных. Всё-таки за год невозможно превратиться в старослужащего. Офицер вздохнул и сказал, что даже те, кто пришёл дней на десять раньше, пытаются изображать из себя морских волков.

Пригласил тех, кто меня встречал, и тех, с кем обедал, на спектакль. Офицеры сами прийти не смогли, но жён своих отправили. Были признательны, по-хорошему признательны. Умеют правильно выражать свои чувства морские офицеры.

В Архангельске не был два года. В последний раз побывал по возвращении из Арктической экспедиции. За эти два года в городе успели понастроить много чудовищных сооружений. Домами или зданиями я эти строения назвать не берусь. Новые безобразные торговые центры будто схватили город за горло и душат его. Жалко. У меня какая-то особая теплота к Архангельску. И название его уж очень хорошее, и Северная Двина там могучая...

А в городе всё ни шатко ни валко. Очевидно, руководят им и застраивают его люди, которые не любят Архангельск. Наплевать им на Северную Двину, безразличен им наш Север и история города.

А вот публика в Архангельске прекрасная! Рад, что довёз им спектакль «Прощание с бумагой». Мурманчанам пока не смог его показать: декорации туда долго и трудно везти. Но довезу. Местные организаторы опасались, что люди во второй половине июня уже не пойдут в театр. Говорили, мол, северяне с начала лета стараются уехать куда подальше и где потеплее. Говорили, мол, плохо проходят гастроли летом на Севере. А у меня были аншлаги и в Мурманске, и в Архангельске! (Это я сейчас похвастался.)

В Архангельске один зритель, чьего имени я не запомнил, подарил мне две прекрасные книги: «У Архангельского города» Бориса Шергина издания 1985 года и «Поморская сага» – сборник поморской прозы.

Шергина в те времена было не достать. Все любили мультфильмы по Шергину, на слуху была фраза: «И пошли они до городу Парижу», а книжек было не достать, и почитать Шергина мне удалось уже сильно позже. Связано это чтение у меня с одним из самых прекрасных воспоминаний. Однако книжки его у меня не было. Теперь есть. И она сейчас со мной на тёплом острове, омываемом с одной стороны Ионическим морем, а с другой стороны – Адриатикой.

Особое ощущение – именно здесь читать о Северной Двине, Белом море и поморах, про которых тут люди даже и не слыхивали.

Пока делал эту запись, самая громкая цикада, которая несёт службу на оливковом дереве под окном, замолчала. Да и вечерняя прохлада уже почувствовалась и пришла.

21 июля

И хотелось бы написать о летних радостях, да не получается. Сбитый самолёт кажется сейчас предельной точкой. Но предела не видно, и переживаниям тоже не видно предела... Ужасно то, что все сразу успели обвинить друг друга. Это говорит о том, что истина в данном случае не нужна. Все как сумасшедшие трясут своими правдами, все уверены, что больше других знают и понимают. Все считают себя более остальных информированными или даже причастными...

А я решил отреагировать на переживания и события лирически. Последние два дня писал сам не пойму что: рассказ – не рассказ, эссе – не эссе. Но это моя реакция на беду со сбитым самолётом, на увиденные в новостях куски, обломки и осколки большого Боинга и летевших в нём людей.

Меня опять, наверное, а точнее – наверняка будут ругать и поливать грязью за написанное. Ну да что там! Я уже это написал. И точно не с целью кого-то обидеть или кому-то на что-то открыть глаза.

Зимой мне сделали подарок, привезли из Киева. Маленький красивый мешочек тёмно-бордового бархата. Я с благодарной улыбкой принял его. В мешочке оказался камешек, довольно острый осколок тёмного гранита. Я с недоумением повертел его в пальцах перед глазами, пожал плечами... И тогда мне весело сказали, что это осколок памятника Ленину, который стоял напротив Бессарабского рынка и который свергли с пьедестала в декабре прошлого года, а потом разбили вот на такие сувениры. Мне стало грустно. Печально...

Я знал этот памятник, много раз жил рядом с ним в гостинице и бесконечное количество раз проезжал или проходил мимо. Один раз я даже внимательно его разглядел со всех сторон.

Не красивый и не безобразный. Скорее скромный – относительно общего размера окружающих его зданий. Памятник как памятник. Ничего особенного. Может быть, немного мрачноватый из-за цвета камня.

Я хорошо помню, как в 1991 году была предпринята попытка снести памятник Ленину на площади Советов в городе Кемерово. Молодой заметный бизнесмен и политик по прозвищу Лютый (его фамилия Лютенко) ночью организовал кран и людей. Едва не своротили памятник, однако прибежали те, кто жил поблизости, долго шли препирательства, в итоге памятник устоял. Так и стоит на месте по сей день. Я тогда жалел, что не удалась попытка свержения двенадцатиметрового Ленина работы скульптора Кербеля. Очень жалел. Теперь, наоборот, я рад, что памятник стоит на месте, там, где стоял во всё время моего детства и юности. Стоит этот памятник теперь просто как архитектурный элемент площади на фоне такого же архитектурного элемента – бывшего здания обкома партии. Теперь там работает губернатор, а герб Советского Союза на фасаде прикрыт гербом России.

Кстати, кемеровский памятник Ленину курьёзный и в этом смысле уникальный: Ленин стоит в женском пальто. В смысле пальто застёгнуто на женскую сторону, точнее, запахнуто... Знающие это кемеровчане с радостью показывают сей курьёз приезжим. Достопримечательностей в городе немного, а тут такая милая деталь. Приезжие веселятся, фотографируют. Хорошо, что не сломали памятник.

Я отлично помню, что моя бабушка, будучи учительницей биологии и анатомии, завела всеми школьными клумбами и теплицей. У неё были просто шикарные клумбы! А в год 110-летия со дня рождения Ленина она сделала клумбу, на которой разные цветы были посажены в виде цифр 110 и букв ЛЕТ. Она победила тогда на городском конкурсе клумб, и в нашем цирке ей вручили грамоту и настольные часы. Я очень гордился.

После того как бабушка ушла на пенсию, теплица возле школы пришла в упадок. В ней курили и прятались во время уроков старшеклассники, а вечером собирались тёмные личности с округи. Они там выпивали и... даже не берусь предположить, что ещё делали. Новая молодая учительница не хотела заниматься теплицей, клумбы при ней поросли чем попало. Потом теплица сторела. Её руины долго зарастали крапивой и засыпались мусором. Теперь там и следа нет от теплицы. А я в ней, маленький, бегал по дощатой дорожке, дышал влажным тёплым воздухом и прятался, фантазируя разные чудеса. Это было особое, таинственное пространство.

Руины теплицы были первыми в моей жизни руинами чего-то мне дорогого. С тех пор я не люблю руины. Никакие. Даже античные. Меня огорчает вид рухнувшего или брошенного величия. Даже Парфенон я хотел бы видеть в первозданном виде. И пирамиды... Да и Венера Милосская с руками была бы для меня ещё прекраснее.

В октябрят меня принимали в Ленинграде, там я учился в начальной школе. Приняли не сразу, не в первой волне. Я не был усердным учеником и не отличался примерным поведением. Отличников принимали первыми и на крейсере «Аврора». Торжественно! А меня так, с остальными троечниками, в рекреации первого этажа. Я переживал. Я завидовал тем, кто вернулся с «Авроры» со звёздочками. Я хотел быть октябрёнком. Мне нравился значок: звёздочка и лицо кудрявого мальчика в середине звёздочки. Я жаждал носить такую же.

Октябрятские звёздочки были двух моделей: металлические и пластмассовые. Металлические были у всех подряд, а пластмассовые считались редкостью. Они самую малость меньше металлических, более остроконечные, а главное – мальчик Ленин на них иной, фотографический. Чёрно-белый. В центре пластмассовой звёздочки было углубление, а в него была вставлена маленькая фотография юного Ленина, закрытая стёклышком. Мне нравилась именно такая, но в продаже были только металлические. Где редкие счастливицы брали пластмассовые, я не знаю. У нас в классе такая была только у одного мальчика, я его запомнил исключительно благодаря той звёздочке. Он её давал подержать, полюбоваться, но не более того. Поменять эту звёздочку хоть на что я ему не предлагал, но думал об этом. Как можно предложить что-то за октябрятский значок?! Это было недопустимо, звёздочки были вне обмена. Хоть обмен всего подряд на всё что ни попадя шёл в школе активно. Звёздочка та мне очень нравилась: маленькая, алая, особенно красивая, если смотреть на неё, поднеся к солнечным лучам или к лампе, тогда она прямо светилась. И малюсенькая чёрно-белая фотография кудрявого мальчика под стёклышком... Мне дороги мои воспоминания.

Хорошо, что в смутные времена крейсер «Аврору», на котором принимали в октябрят моих одноклассников, не порезали, не уничтожили, не сделали из него кабак и не растащили по частям на продажу. Благодаря мифическому выстрелу из носового орудия в октябре 1917 года сохранился крейсер времён Русско-японской войны, участник Цусимы. Хоть и бесславный, но всё-таки. Японцы тоже сохранили корабль той войны. Больше в мире нет таких экспонатов, даже у англичан и американцев. Теперь «Аврора» – памятник военно-морской архитектуры и мысли самого начала XX века. Очень красиво стоит этот крейсер, повезло кораблю и нам. Жаль, что броненосец «Потёмкин» не сохранился, а то бы очень он украсил Одессу. Да и «Очаков» украсил бы любую набережную. А вспоминали бы в связи с ним лейтенанта Шмидта или нет – дело десятое, теперь уже десятое.

Памятники Ленину были везде, я уже не говорю про его бюсты и бюстики, барельефы, мозаичные и живописные изображения. В любой столовой висел его портрет, почти в каж-

дом троллейбуса или трамвая – выпел за передовую работу с его профилем. Мы не замечали большинства этих лениных, не обращали внимания на названия проспектов, улиц и площадей с его именем. Он был постоянной частью пейзажа, ландшафта, интерьера, существенной частью мира, времени, и моего детства в частности.

Он в этом детстве вызывал непостижимое восхищение, не укладывался в рамки одного человека. Слишком мудр, гениален, вездесущ и добр. Я любил Ленина как доброе божество. Любил до поры до времени. Но детство-то я своё люблю навсегда! Ленин в том моём детстве и меня любил. Благодаря бесчисленным мифам, притчам, балладам, сказкам, стишкам и песенкам я знал, что Ленин любил детей, всё делал для них и для их счастливого будущего, то есть – для меня.

У моего дедушки на столе, сколько себя помню, стояла фотография: Ленин за столом читает газету «Правда». Эта фотография с картонной подставкой периодически переключивалась со стола на телевизор или полку книжного шкафа, но всегда на видное, центральное и почётное место, и то на короткое время, если стол был нужен для торжественного застолья. Стол был раздвижной, обеденный, просто дед его использовал как рабочий. Ел дед на кухне за маленьким столиком, а, с позволения сказать, гостиная была и кабинетом, и библиотекой, и всем прочим.

Когда дед читал – а читал он только сидя за столом, – фото читающего Ленина стояло рядом, они читали вместе. Дед бережно относился к фотографии, это было его личное, непоказное и сугубо искреннее дело.

Как-то я, маленький, взял дедова Ленина и куда-то понёс. Дед молча с улыбкой забрал его у меня, покачал головой и поставил на прежнее место. Это было сделано так, что я всё тогда почувствовал и навсегда запомнил. Очень я любил моего деда. Я люблю память о нём, он в моих воспоминаниях безупречный человек. Жаль, что дорогое ему фото пропало тогда, когда я ещё не ценил памятные детали и любил выбрасывать хлам и старьё. Сейчас бы дедушкин Ленин читал газету в моём кабинете, как просто дорогая моему деду и мне, именно в связи с дедом, вещь.

В шкодной своей юности я позволял себе серьёзную шалость и даже дерзость. Позволял её не то что без зрителей, но и без свидетелей. Я отлично понимал ту дерзость как что-то недопустимое. Оказавшись летом на центральной площади в погожий день, я любил зайти в могучую тень памятника Ленину и, когда вокруг никого не было, выставлял из тени руки так, чтобы у тени Ленина над годовой появлялись рожки. А однажды я сделал уж совсем неприличную тень. Но тут же ужаснулся своему поступку, сокрушённо устыдился и сознаюсь в содеянном только теперь. Думаю, меня тогда не одобрили бы, увидев такое, даже наши записные хулиганы и школьные сквернословы-похабники.

Все школьные годы летние каникулы я проводил у бабушки в городе Жданове, ныне Мариуполе. Бабушка, та, что не была учительницей биологии, жила рядом с Азовским морем в небольшом беленьком доме на улице Грибоедова, в районе, который местные называли Гаванью. «На Гавани», – говорили они. Этот район ещё называли Нахаловкой, потому что он был застроен без всякого плана, как кто захотел. Воду брали из колонок на улице, туалеты были те самые – деревянные, вонючие, со страшными ямами. У бабушки ещё была летняя кухня и огород. Бабушка выращивала выдающиеся помидоры. В разгар урожая она выставляла за калитку на улицу маленькую зелёную табуретку, а на неё ставила эмалированный тазик с пирамидой самых красивых и крепких помидоров. Иногда у неё эти помидоры покупали – за сущие копейки.

Помидоры я тогда не любил, но с ними меня принимали в компанию вечно пропадающих на море или лазающих по фруктовым деревьям местных пацанов. Я приносил им помидоры, краюху хлеба, и меня брали с собой даже в самые опасные места, типа реки Кальмиус или на рыбоконсервный завод, куда ходить мне было категорически запрещено.

Гавань тогда жила весьма шепутной и особенной жизнью. Дома Гавани с одной стороны жались к железной дороге, с другой сползали в море, а с третьей упирались в стену рыбзавода, за которым текла глубокая, тёмная и жутко грязная река Кальмиус.

Рыбзавод сильно вонял, в Кальмиусе была вся таблица Менделеева, а море у Гавани было таким мутным и замусоренным, что страшно вспоминать. Но завод шумел, на нём работала и воровала с него рыбу добрая половина Гавани, а Кальмиус кишел ржавыми, но шустрыми траулерами, которые в него заходили из моря, швартовались и сдавали улов на завод.

На Гавани было три маленьких пляжа, по сути – кусочки свободного от строений, нагромождения искорёженных металлоконструкций и камней песчаного берега. На этих пляжах проходила вся летняя жизнь. Кто-то жил у самого моря, кому-то надо было идти минут пять, кому-то десять. Но гаванские люди, приехавшие к ним родственники и квартиранты, для которых и такое море было в радость, собирались на пляж каждый раз как на длительный пикник, то есть с едой на завтрак, обед и ужин, с бадминтоном, шашками-шахматами, колодами карт, газетами, книгами, рукоделием и прочим. Пляжи были замусорены до невозможности, а в море плавало столько всего, что трудно было в отдельные дни пере-силить себя и шагнуть в прибой, в котором арбузные корки и медузы были самыми невинными ингредиентами.

В том море я научился плавать и нырять, ловить руками и есть живьём шустрых креветок, доставать из ржавых труб и утопленных автомобильных покрышек чёрных бычков-кочегаров. На том море получил я свои самые сильные переживания по поводу рыбалки. Там я видел лодки браконьеров, ночью они подходили к пляжам, а местные тётки забирали у них улов: осетров, судаков, камбалу, – чтобы уже утром продать на базаре из-под полы.

У того моря я был впервые сильно увлечён девочкой. Мне было тринадцать. Ей, думаю, около того. Юлия Костенко ходила на море одна. Я знал куда и ошивался там как бы случайно. Я знал, где она живёт, и частенько вечером слонялся возле её домика. Мечтал пригласить её в кино в Дом культуры рыбзавода (местные называли его клуб «Бычок»). Но так и не решился. Отважился только взять у неё адрес и всю осень, зиму и весну писал ей письма. Она ответила несколько раз. Помню очаровательный её круглый почерк и большое количество очаровательных же ошибок. На следующее лето у неё появился парень из центра города, старше и существенно больше меня.

В клубе «Бычок» каждый день крутили новое кино, точнее старое, но каждый день другое. Рукописную афишу с репертуаром на ближайшие три дня вешали у входа в клуб и на улице рядом с бабушкиным домом. Сеанс был только один – 19.00. На индийские фильмы случались аншлаги. Все шли с газетными кулёчками семечек, плевали на пол. В клубе было прохладно и хорошо. Там я посмотрел все хиты индийского кино семидесятых, все фильмы про Анжелику, всё про Зорро, все серии Синдбада, а также всё про басмачей, гайдуков, Фантомаса, видел всех югославско-гэдэровских индейцев с ковбоями... Раз десять за несколько лет посмотрел Клеопатру с Элизабет Тэйлор. Про мелодрамы и производственные ленты вспоминать не хочу.

В город с бабушкой мы выбирались не часто, только в магазин или настоящий кинотеатр. Парикмахерская и маленькие лавчонки были на самой Гавани. Город Жданов я любил. В нём везде продавалось мороженое, газированная вода (ситро), квас и прочее. В Жданове было много роскошных роз, очень много. Несмотря на страшное окружение гигантских металлургических заводов и жуткую экологию, Жданов летом производил впечатление вполне радостного южного приморского города. Мне нравился парк в центре, нравился драмтеатр, точно такой же, как в Кемерово... Страшноватый памятник Жданову не пугал, а местный Ленин по сравнению с кемеровским был даже милым.

Мне нравилось одному ходить в город. Я любил с жары, доев мороженое, зайти в центральный ждановский книжный магазин. Он назывался по-украински, кажется, «Світоч» (или «Светоч»). Там всегда было тихо, прохладно и торжественно. Людей, в отличие от кинотеатра, рынка и универмага, совсем не было, а главное – было очень много книг, красивых, в хороших переплётах. Запах в магазине был волшебный, волнующий. Я разглядывал книги, трогал, гладил, листал, нюхал. Тогда в стране за книгами давились, стояли в ночных очередях на подписки, сдавали макулатуру, чтобы иметь возможность купить серый том Дюма. А тут были Вальтер Скотт, Майн Рид, Фенимор Купер... Книги были на украинском языке, я не мог их читать. Но это были книги! Я листал их, разглядывал иллюстрации. Один раз даже не выдержал и купил Герберта Уэллса. Пытался читать – не получилось. Но книга была красивая.

Несколько раз бабушка раздобывала на рыбоконсервном заводе путёвку в пансионат в селе Ялта на Азовском море. Туда мы ездили с родителями. Пансионат был маленький и бедненький, но это был пансионат! И море там было другое, и жизнь... В той Ялте отдыхали донбасские шахтёры – богатые люди. Шахтёрские пансионаты горели вечером огнями, гремели музыкой танцплощадок. В глубь пансионатов уходили роскошные аллеи, а там были рестораны, красивые колоннады, открытые бесплатные, для проживающих, кинотеатры. Туда с улицы не пускали. Мы с родителями прогуливались вдоль этих вожделенных чертогов, заглядывали в их глубины и фантазировали те радости, которые были доступны богатым и особым людям из шахтёрского мира. Даже кафе «Де Пари» в Монако так не будоражило мои фантазии, как те пансионаты.

Однажды мы с родителями съездили в Милекино на лучшие азовские пляжи. Мне долго казалось, что лучшего моря в мире быть не может.

В те же годы я несколько раз побывал в Донецке. Я мечтал попасть в этот город, потому что в Донецке делали лучших в СССР солдатиков. Это были чудесные солдатики: индейцы, ковбои, пираты, викинги, римские легионеры. Они были пластмассовые, одноцветные, но объёмные и очень подробно сделанные. Они были невероятно ценны в Кемерово. Да где угодно! А в Донецке их можно было купить в магазине. Город мечты!

Донецк тогда поразил меня богатством, чистотой и какой-то обильностью. Обилие было на улицах, а главное – обилие было дома и на столе у тех, к кому мы приехали. Это было даже не обилие, а изобилие. В Донецке было тоже очень много роз... Мне запомнились громкие, часто толстые люди, сверкающие золотыми зубами улыбок. Золотые зубы были признаком настоящего достатка.

Однако из азовской Ялты и из Донецка я с радостью возвращался на Гавань, к бабушке. Там было моё свободное, пацанское удалое детство. Там я был ловкий, дочерна загорелый, тощий и счастливый.

Теперь этого мира нет. Нет бабушкиного дома. Снесён. На его месте зияет пустырь. И её идеального огорода нет. А это был образец более чем европейского порядка, чистоты и процветания. Не шумит и не воняет рыбзавод. Нет траулеров на Кальмиусе, который от шлаковых вод с металлургического комбината стал ещё грязнее. Жизнь на Гавани завяла, большинство домов пустует. Зброшен и покосился клуб «Бычок», нет парикмахерской, лавки давно закрыты. Улица Грибоедова умерла. А в городе Мариуполе на знакомых мне улицах погибали люди.

Я приезжал в Мариуполь больше года назад, попытался найти домик, в котором жила Юлия Костенко. Не нашёл. Переулок, по которому мимо её домика проходил много раз, нашёл, а сам домик не узнал. Все дома безлюдные, который тот самый, понять не смог. Весь мир моего летнего детства теперь руина, безобразная и отталкивающая, как разрушенный гнилой зуб. Нет теперь пейзажа и ландшафта моего детства. Исчезла какая-то основа, какой-то глубинный и базовый пласт.

Когда спустя двадцать лет после службы я побывал на Русском острове и увидел руины «Школы оружия Тихоокеанского флота», то есть той учебки, где прошли первые, самые страшные недели и месяцы моей службы, где мне было плохо, страшно, унижительно и беспрочно, как не было нигде, – я всё равно не был рад. Я взял с тех развалин кирпич, храню зачем-то. Кирпич старый, ещё дореволюционный, сделанный на века.

Я живу меньше полувека, а уже так много руин, которые я помню живыми домами...

Как беззащитны оказываются камни! Даже гранит памятников.

Мне было лет десять-одиннадцать, когда с бабушкой – не той, что жила в Жданове, а той, что была учительницей биологии, – мы осенью оказались в Москве. Бабушка повела меня на Красную площадь. Там мы встали в очередь в мавзолей Ленина. Очередь шла медленно и была огромной. Я устал и весь измаялся, к тому же замёрз. Бог знает, сколько мы провели в той очереди, но вот и мы вышли напрямую к мавзолею, уже увидел я вход, втягивающий в себя очередь, увидел солдат караула у входа, и вдруг до меня дошло, что вскоре я увижу – не Ленина, а мёртвого человека. Мертвеца. Я очень резко и сильно это осознал, испугался, ощутил отвращение и жуть. Я понял, что не хочу туда. Не хочу категорически – и не пойду! Я заявил об этом бабушке. Она не захотела слушать мои глупости, не поняла меня. Тогда, неожиданно для всех и даже для самого себя, я попросту сел на мостовую и сказал, что не пойду. Сказал это так, что бабушка сразу всё поняла и скорее увела меня прочь, сгорая от стыда и обиды. Она не бывала в мавзолее. Так и не побывала, как и я.

Помню все эти баталии по поводу захоронения Ленина, мол, надо упокоить его останки, и, возможно, жизнь наладится. Кто-то кричал, что это азиатчина и мракобесие, мол, как не стыдно выставлять и хранить мумию в центре Москвы... Я тоже рьяно участвовал в этих дискуссиях. Был уверен, что Ленина надо как минимум похоронить, а лучше бы развеять и уничтожить его прах, чтобы и следа не осталось.

А теперь рад, что стоит мавзолей на месте, и мумия на месте. Я представить себе не могу Красную площадь без мавзолея. Я даже не понимаю, красивый он или не красивый, этот мавзолей. Он для меня какой-то обязательный. Он на своём месте для меня был всегда. Так что даже не берусь судить о его архитектурных достоинствах, он – часть незыблемого пейзажа. Без него будет что-то зиять или торчать...

Чем дальше, тем сильнее я начинаю ценить то, что является незыблемым, но при этом остаётся для кого-то живым.

Я живу в Калининграде уже шестнадцать лет. Я вижу, как ценят, и сам ценю всё то, что осталось в весьма разрозненном и часто ущербном виде от города Кёнигсберга. Всё то, что когда-то не сломали, не разбили и не уничтожили те, кто брал город. А тем, кто его брал, хотелось уничтожить, им хотелось разбивать надгробия с готическими надписями, сбивать барельефы, ломать памятники. Их можно понять. Это же были надгробия и памятники немцам. Пусть эти немцы были не кайзеры и полководцы, а учёные, строители или музыканты. Шиллера и Канта пощадили. А сколько разбили! Теперь и кайзеров жалко, и полководцев былых времён. Красивые были памятники. Снесли, сломали, разбили. Город Калининград теперь мучительно и часто бессмысленно ищет своё новое лицо... И надо видеть лица пожилых немцев, которые приезжают в город своего детства и не находят его.

Памятник сносит и разбивает только толпа. Перемещают или демонтируют памятники инженеры, рабочие и техники, руководствуясь целым рядом принятых решений, а сносит толпа! (Даже если это памятник какому-нибудь фюреру. Просто памятники фюрерам стоят недолго, поэтому не о них и речь.)

В момент крушения памятника исчезает для кого-то важная, привычная, возможно, любимая или наоборот, но привычная часть пейзажа. Точнее – привычный пейзаж исчезает, уходит основа. Этого не осознаёт человек, жаждущий что-то сломать.

Человек, ломающий памятник, признал его виновным в той жизни, которая кажется человеку плохой и несправедливой. И он ломает памятник, ломает пейзаж, рушит основу.

Потом немедленно хочет на место снесённого поставить другой памятник. Придумывает героя... Но я не об этом. Это отдельная тема.

Когда ставили памятник Петру Великому работы Церетели в Москве, много голосов было против! Это были разумные и сильные голоса. Мой скромный голос тоже был в этом хоре. Мы не хотели этого монстра, мы негодовали. Помимо непомерных размеров и безобразия самого монумента в этом памятнике было много другого. В нём было и кумовство, и барство властей, и катастрофическое отсутствие вкуса, и дикость девяностых годов, в которые памятник был отлит. Это был памятник тёмной наглости и несправедливости. Но его установили – вопреки всем протестам. Его хотелось взорвать, уничтожить, испепелить.

Но вот он стоит уже семнадцать лет. И теперь я был бы тем, кто встал бы на его защиту. Почему? Да потому что он успел попасть во многие семейные фотоальбомы, на его фоне снято много свадеб, он нравится детям, особенно мальчикам... Я сам это видел.

Он пустил корни, памятник, врос не в дно Москвы-реки, а в чьи-то жизни, в чей-то пейзаж. Пётр I Церетели – конечно, памятник безумию девяностых, а это время должно быть как-то отмечено.

Когда люди в Киеве весело сбрасывали с постамента Ленина, осколок которого мне передали в подарок, они были уверены, что уничтожают символ несвободы, угнетения и тёмного прошлого. Они не видели этот памятник в своей новой, наступающей жизни. Их можно понять. Я их понимаю.

И город Жданов надо было переименовать. Точнее, вернуть былое имя – Мариуполь.

Но прежнего Мариуполя на тот момент уже не было, того, который когда-то назвали Ждановым...

Сменили название – сменились герои. Появился Ринат Ахметов с его шатией-братией. Появилось чудовище – Янукович. А металлурги и шахтёры перестали быть богатыми и зажиточными мужиками, солью земли и гордостью. В Мариуполе не стало роскошных роз, умер рыбоконсервный завод, умерла Гавань, а на улицах города пролилась кровь, много крови.

Сбросили памятник с пьедестала, разбили на маленькие кусочки. Сделали это и не поняли, что сразу оказались в другом Киеве. До того как памятник Ленину поставили, это был тоже другой Киев. Но не тот, в котором памятник сломали. Когда сбрасывали памятник с постамента, люди не понимали, что заделали глубинные пласты, что неизбежен тектонический сдвиг. Они, конечно, не могли тогда этого понять и знать. Но теперь-то знают!

Нет и не будет прежнего Киева, нет и не будет прежней Украины, нет и не будет целых городов и посёлков, нет и не будет прежнего мира. Нет и не будет прежней земли моего летнего детства.

Как беззащитна и нежна история! Как легко ломать её памятники и вырывать из неё страницы, как легко её переписывать! Как хрупки камни её монументов!

Беззащитные памятники...

И как безжалостна та же история к тем, кто ломает её камни и рвёт её страницы! Точнее, не безжалостна – беспощадна.

Вот и в том кусочке гранита, привезённом мне из Киева, уже много свежих руин.

24 июля

Вот интервью, которое я дал в Питере 11 июля. Разговор получился несколько сумбурным, но мне он был интересен. И вопросы, заданные журналистом, были неожиданно суще-

ственны. Рад был попытаться на них ответить. Может, и вам будет любопытно эти вопросы и ответы прочесть.

Сергей Кумыш: Евгений Валерьевич, как мне кажется, ваше творчество можно разделить на два условных направления. В тех случаях, когда вы пишете о себе или же когда за главным героем угадывается ваша личность, читатель видит мир глазами героя. В текстах, где центральный персонаж вымышлен, подсмотрен или же отстоит от вас как от автора на определённой дистанции, главный герой раскрывается в первую очередь через собственное окружение. Эта разница в повествовательной манере – она умышленна?

Евгений Гришковец: Конечно. Разница не просто умышленна, тут не может быть по-другому. В частности, именно с этим связано то, что аудиокниги, которые я начитал, были сделаны только по тем произведениям, которые можно назвать автобиографическими. Всю остальную прозу я не только сам отказываюсь начитывать, но и запрещаю ее к исполнению и выпуску в формате аудиокниг, поскольку полагаю, что это должно быть прочитано своими глазами, а главное – «прослушано» собственным голосом. Там взгляд на человека, способ изучения мира совершенно иной. Например, повесть «Непойманный» из нового сборника. Многие куски в этом тексте написаны репортажно, где мы за героем наблюдаем буквально в режиме репортажа – с отдельными прорывами в его предполагаемые внутренние переживания и размышления. Так что да, это осознанно делается, вы правы.

Кумыш: В повести «Непойманный» вы используете совершенно нетипичный для вас язык: мир вокруг героя как бы нарочно выбелен, описательные подробности практически отсутствуют. Например, главный герой, Вадим, приходит к своему другу, и вы пишете, что у этого друга «огромный дом». Потом мы узнаём, что там ещё есть терраса и гараж – и это всё, что мы узнаем о доме, он вообще почти лишен внешних признаков. Постоянный, целенаправленный расфокус.

Гришковец: Для меня правильное название «Непойманного» – «Повесть, не ставшая романом». В какой-то момент я понял, что эти вполне романские сюжет и идея не должны стать романом. Это должна быть именно повесть. Эти герои недостаточно крупны для того, чтобы стать героями романа. Вся история недостаточно крупна для романа. А соответственно и то, что пьёт или что ест герой или каков его дом, – тоже несущественно. Для повести это несущественно. Эти люди – не такие существенные. И при этом мы можем только догадываться, что происходит с героем, который у нас в итоге погибает. Вот он более подробно описан, как некая жертва; хотя глазами Вадима, но там очень много деталей. Конечно, мне хотелось сделать такую прозу. Это, кстати, совпадает с художественной тенденцией, которой стали следовать некоторые современные кинорежиссёры. Они убирают многоцветие, переводят свои фильмы в какую-то одну коричневатую гамму; почти нет солнечного света, всё происходит вечером или ночью. В центре внимания – герой, все остальное размыто, несущественно. В частности, что ещё мне нужно было сделать совершенно точно, – в повести нет ни одного матерного слова. Это было абсолютно сознательное решение – в сторону художественного. Два центральных диалога между Вадимом и его другом Борисом, конечно, не могли происходить без мата, это понятно; это люди такого поколения, такой судьбы. Они из провинциального города, в конце концов. Но именно в пользу точности смыслов делался особый, «очищенный» способ высказывания. Для меня настолько важное событие эта книжка: я понимаю, что сделал то, что мне несвойственно, при этом своим методом. Она произросла из предыдущих моих работ, долго и трудно мне давалась, и я воспринимаю этот текст как большую победу, победу над собственными стереотипами. Я же знаю, чего люди от меня ждут. Но я делал это не в пику всеобщим ожиданиям, а сознавая художественную необходимость именно такого способа высказывания. Вот ещё что: почему сборник «Боль» состоит из трёх произведений, почему там ещё два рассказа. Было важно

уравновесить текст повести лёгкой, невесомой прозой, которая вся состоит из сплошных деталей, особенно рассказ «Палец», он же как кружева сделан, из мельчайших деталей и подробностей. И чтобы книга вместе с повестью не обрывалась, чтобы финал не был таким резким. Чтобы человек, когда берёт в руки книгу, когда доходит до середины, видел, что ему ещё много читать, что там ещё что-то будет происходить. Это, кстати сказать, восприятие именно бумажной книги, электронная версия уже этого ощущения не даст.

Кумыш: В ваших произведениях стала настойчиво звучать тема страха. Новая книга во многом этому посвящена. Об этом, в частности, вы говорите и в спектакле «Прощание с бумагой». Даже в совместном вашем альбоме с «Мгзавреби» это есть. Новый лейтмотив страха, новая интонация связаны с необходимостью именно сегодня говорить об определённых вещах?

Гришкова: Сейчас общество живёт в страхе. Я хорошо помню, как в 2006 году я убеждённо говорил, что мы – сорокалетние – первое поколение людей, родившихся в России в двадцатом веке, у которых есть шанс встретить благополучную и спокойную старость. Сейчас об этом можно вспоминать только как об очень наивном высказывании. А ещё я осознал одну простую вещь. Я родился в 1967-м, в начале года – феврале. В конце 1966-го родился трёхмиллиардный житель планеты. Я не прожил и полувека, но за это время население Земли удвоилось, а потом перевалило за семь миллиардов. Я всего этого боюсь. Я этого не понимаю совершенно. В Европе то же самое. Их двойные стандарты – они от непонимания того, что происходит. Раньше они ходили вот по этой улице Парижа, и было так: здесь они покупали газету, а здесь покупали круассан. Теперь в том месте, где раньше продавались газеты, новый магазин, где стоит арабский человек, который за это время откуда-то приехал или уже родился в Париже. А в том месте, где продавался круассан, человек из Турции продаёт банан... Человечество сейчас убеждено в том, что оно развивается. А человек развивается только от рождения к смерти. Наши с вами поколения наблюдали появление цифровых систем, интернета и победы этого всего. И это страшным образом перекроило нашу жизнь, мы не понимаем, что происходит. Нет ничего, за что можно было бы взяться, удержаться и ощущать это как жизненный стержень. Обратите внимание: сейчас в России не осталось людей, которые ощущались бы «людьми из незапамятных времён», какого-нибудь академика Лихачёва, который родился ещё до революции, был на Соловках. Распалась связь времён. Я сейчас, может быть, скажу крамольную вещь, но советское время, по которому я совершенно не скучаю, было гораздо более христианским, православным, чем всё то, что происходит сейчас. Если мы вспомним книгу, которую все в детстве читали, но не любили, «Как закалялась сталь» Островского, – это же, по сути, житие святого. Было представление о том, что нужно трудиться, порой мучительно, и в этом случае будет что-то. Настрой на саморазвитие, на страдание, но страдание совместное, – это поддерживало очень. Общество было гораздо более целомудренным, чем сейчас. И благодаря этому «общественному целомудрию» как раз было не страшно. Сейчас же всё перепуталось. Люди, которые творят бесчинства, ревностно соблюдают пост. Но при этом чаще всего в качестве диеты. После поста страшно веселятся. И всё время боятся, боятся. Им не на что опереться, совсем – ни в России, ни в целом мире. Человечество стало больше думать о смерти. Опять же не в христианском смысле, а как о непонятном, непостижимом конце всего. На самом деле то количество смертей, которое мы сейчас встречаем в литературе и на экране, – это тоже некая современная борьба со страхом смерти. И вездесущий чёрный юмор – попытка закрыть глаза на собственные страхи.

Кумыш: Художественные приёмы, которые вы используете в книге «Боль», во многом новы не только для вас, но и для современной русской прозы в целом. В одном телеинтервью, примерно год назад, вы сказали, что не ощущаете себя частью российского литературного контекста...

Гришкова: Я себя ощущаю очень одиноко в литературном контексте России. Предполагаю, что в сборнике «Следы на мне» и в новой книге в особенности, я продолжаю некую соцреалистическую – в лучшем смысле этого слова – традицию. Ориентируюсь сейчас на Астафьева. Полагаю, что он крупнейший литератор того периода. И вижу, что природного интереса к подобной литературе у сегодняшних авторов нет. Я хорошо понимаю, что ко мне в русском литературном сообществе относятся крайне несерьёзно и не считают меня литератором. Мои книги не попадают в списки бестселлеров. Хотя, если за первые два месяца продано 25 тысяч экземпляров, а в электронном виде скачано больше ста тысяч, это, разумеется, бестселлер. И поскольку я нахожусь между некими контекстами, меня гораздо удобнее вообще оттуда выбросить и не относиться ко мне серьёзно.

Кумыш: Приведённые вами цифры говорят о безусловном читательском интересе, о том, что книгу ждали. То есть читатели вас в этот контекст вписывают... У меня ещё был вопрос по поводу альбома с группой «Мгзавреби». Этот новый проект – он ощущается вами как литературная работа?

Гришкова: Да. Я настаиваю на том, что я никакой не артист, никакой, конечно, не музыкант. Я писатель, который всё время занимается писательской работой. В отдельных случаях – писатель, выступающий на сцене со спектаклями, и писатель, выступающий с музыкальным коллективом где-то в клубе. Но, разумеется, это писательская работа – в определённых условиях, других, с чётким пониманием, какой здесь адрес, какой способ высказывания. При этом совершенно необходимо осознавать – и мне, и той публике, которая хочет это воспринимать, – что я автор. Если бы я был просто исполнителем чужого текста, никто бы не стал это слушать. И в театр бы никто не пошёл на меня смотреть, это совершенно точно.

Кумыш: На вас как на писателя совместное творчество с Гиги повлияло? (Гиги Дедаламазишвили, фронтмен и автор песен группы «Мгзавреби». – С. К.)

Гришкова: Нет. Определённо нет. Как для «Мгзавреби», так и для меня, этот проект является чем-то отдельным. Гиги тоже внятно это осознал после того, как мы записали альбом. Музыкальная составляющая – аранжировки, мелодика, звучание – отличаются от того, как они работают сами, без меня. Сама эта встреча отдельная и проходит на какой-то сокровенной территории.

Кумыш: Вы много лет работали с группой «Бигуди». Теперь вот «Мгзавреби». В случае с «Бигуди», как мне кажется, всё-таки ощущалось, что текст играет определяющую роль. С «Мгзавреби» несколько иная история: текст и музыку вообще не «разлепить», одно как будто вырастает из другого, перемешивается. Но это частное мнение. У вас у самого какие ощущения от двух этих проектов?

Гришкова: «Бигуди» в том виде, в каком они работали со мной, не были вполне самостоятельным коллективом. Под конец уже это были только сессионные музыканты и автор идеи, Максим Сергеев, который прекрасно знал, что именно нужно делать: мы очень хорошо знали друг друга. И это был такой коллектив, где тексты – да, имели большое значение, но музыка тоже развивалась и дошла до какого-то предела, когда было уже ясно, что развивать больше нечего, потому что дальше я уже должен был запеть. Под конец это уже были песни – с куплетами, припевом и т. д. Кстати, почему меня пригласили «Мгзавреби» – они послушали наше творчество с «Бигуди» и понимали, что такое возможно. «Мгзавреби» – это самостоятельное явление, самобытный коллектив, который развивается параллельно. И этот наш совместный проект развитию группы ничего не сообщает. Мне как писателю – тоже. Это просто очень приятное дело. Как такое, знаете, совместное застолье с грузинами. Да и сами тексты – как бы тосты, которые можно произнести во время грузинского застолья. Это была моя попытка услышать не только Гиги как музыканта, «Мгзавреби» как музыкантов, но ещё и грузинскую культуру, и на неё каким-то образом отреагировать. Чтобы это было

органично. А они уже постарались сделать более лирическую, более «взрослую» музыку в контакте со мной. Потому что их самостоятельные произведения более зажигательные, подвижные. Это совершенно отдельное дело, которое, может быть, не будет иметь продолжения. Мы не уверены, что у нас будет второй альбом. Мы хотим ещё записать сейчас пару песен, которые за это время появились, и они будут скорее синглами, дополняющими первый альбом. Но мне очень нравится это делать, очень. Я хотел снова в клуб, я снова хотел играть, мне очень симпатичны грузины в целом, а группа «Мгзавреби» – особенно. Это взаимное удовольствие, в результате которого появился альбом. У этого не будет такой истории, какая была с «Бигуди». С ними мы проработали десять лет, отыграли сотни концертов, пару сотен – точно, выпустили четыре альбома. За десять лет у нас возникла своя аудитория именно на этом, мелодекламационном материале. И я могу с уверенностью сказать, что в мире ничего подобного нет. Что-то похожее делали Макларен, Джон Кейл, Баз Лурман, но это были единичные случаи. К сожалению, в российском контексте люди мало внимания уделяют музыкальной составляющей, многие просто слушают слова. Поэтому многие могли бы сказать, что там вообще музыка не нужна – вышел бы да и рассказал вот эти тексты, мы так же бы порадовались, не нужно было этих всех инструментов, электроники и прочего.

Кумыш: Это странно. Почему я и спросил о значении для вас литературной составляющей – ведь музыка сама по себе, в обоих случаях, как и текст, ведёт за собой, сообщает дополнительный объём, иногда даже создаёт подтекст...

Гришкова: Очень многие этого не слышат. Многие мне говорят, например, о том, что в спектаклях «+1» и «Прощание с бумагой» не нужны декорации – ты один будь там, да и всё. Люди не понимают, и претензии к ним за это невозможно предъявлять. «Бигуди» играли потрясающе, делали удивительные, нетипичные для современной русской музыки аранжировки. Но для слушателей в целом это было всё каким-то общим фоном. Как и литературные особенности «Непойманного».

Кумыш: Понятно, что у каждого автора, наверное, наибольший трепет, наибольшее волнение вызывает недавно вышедший, самый свежий материал. Есть ли среди ваших книг та, которой вы особенно довольны? И есть ли такая, в которой, может быть, не получилось сделать именно так, как хотелось бы, как изначально планировалось, замышлялось?

Гришкова: Пожалуй, самые совершенные тексты по композиции и по тому, как они сделаны, – во всяком случае, я больше всего их люблю, самые сложные мои книжки – это «Реки» и «А...а». Две повести, которые, конечно, никакие не повести, это особый литературный жанр. Кто-то говорил, что это эссе, но никакого отношения к эссе это не имеет. Я называю их повестями. Прозу я каждый раз делаю настолько тщательно и долго, что не могу сказать, что какая-то получилась хуже, а какая-то лучше. В меньшей степени я доволен своими ранними пьесами, потому что тогда ещё не умел этого делать, они не очень хорошо оформлены для чтения. Сейчас бы я это написал иначе. Ко всему остальному нет претензий. И совершенно особенная для меня книжка, которая вышла два года назад, – «Письма к Андрею». Я её сильно люблю.

Кумыш: Какие у вас планы на следующий сезон – литературный, театральный? Что будет дальше?

Гришкова: Я сейчас сделаю довольно длинную паузу с прозой, буду работать над новым спектаклем. Наверное, год не возьмусь за прозу. А потом хочу написать большой роман. Прямо – большой. Даже хочу взять полгода перерыва в театральной работе, чтобы сделать основу романа, а потом его дописывать. Новый спектакль будет называться «Шёпот сердца». Он, кстати сказать, посвящён страху. Это будет монолог человеческого сердца. Сердце боится человека, а человек боится собственного сердца. Поначалу этот человек настолько целен в своей юности, в своей чудесности, что даже не вспоминает о том, что у

него есть сердце. А потом... Помните, как Тарковский написал: «Человек счастлив только тогда, когда он забывает о том, что умрёт».

26 июля

Меня много раз просили высказаться о мате в современной литературе, в сегодняшнем театре и кино. Теперь я решил это сделать. Все упомянутые процессы в моём высказывании мною пережиты лично. Многому я был свидетелем и во многом участвовал сам.

Мат есть мат

Можно с уверенностью утверждать, что последние четверть века происходит сознательно-бессознательная героизация мата в нашей культуре. И вот уже несколько лет, как эта героизация приобрела практически системный характер, поскольку в этом процессе приняло активное участие Министерство культуры России. Самым сильным действием по приданию мату именно героического ореола стал так называемый «Закон о мате». Закон этот насколько своевременен, настолько же и глуп, поскольку не продуман, очень груб и имеет все шансы произвести обратный эффект.

Нормативные акты по использованию мата в культурном пространстве, как то: в кино, театре, на концертных площадках – то есть на территории массового получения некоего культурного продукта, – необходимы, и давно. Они необходимы не как перечень рекомендованных мер или советов, а как вполне внятные и обязательные к исполнению инструкции и правила, подобные правилам уличного движения, которые призваны это движение сделать безопасным, нехаотичным...

Но не запрещать само движение, исключив возможности опасного самоволия и преступных действий.

Новый же «Закон о мате» просто запрещает всякое использование мата в перечисленной мною культурной деятельности. Этот закон и прост, и бессмыслен. Он в своём существующем виде вреден культуре. Нужен другой! Он необходим.

И в этом смысле мы не можем и не должны оглядываться или опираться на некий международный опыт или практику подобных правил и законов.

Не должны не потому, что мы такие особенные, а потому что наш мат очень особенный, и его место в нашей культуре не имеет аналогов в других культурах. Я имею в виду не уникальность семантических (смысловых), фонетических и прочих возможностей русского мата. Я не собираюсь героизировать и восхвалять его. Я имею в виду ту огромную дистанцию исторически-культурного опыта, которая сложилась между нормативной лексикой, лексикой общественно допустимой, литературно-художественной лексикой, профессиональной лексикой и матом. Эта дистанция, как я уже сказал, огромна. Это не та дистанция, которая существует в языковых средах и культурах основных европейских языков. Весь набор грубых слов и их сочетаний, например в англоязычном мире, значительно ближе к нормативному языку, имеет давнюю практику всестороннего употребления и давно не содержит в себе внятных социально-культурных признаков. Активно и давно «факающий» английский и американский кинематограф, театр, песенная поэзия, эстрадный юмор и даже литература уже дело вполне привычное и никого не то что не шокирующее, но и не удивляющее. А наследный принц крови, наследник Британской короны допускающий всё те же «факи» прилюдно, в современном обществе не вызывает осуждения.

Я не берусь утверждать, что ругательные возможности английского, французского, немецкого и других языков беднее, чем возможности мата. Нет! Просто сами немногочис-

ленные слова, составляющие арсенал нашего мата, неизмеримо более весомы, тяжелы, а самое главное – до сих пор табуированы.

Эти слова до недавних пор находились за закрытой для культурно-художественного пространства дверью. Они были заперты и для открытого социально-общественного употребления.

В обществе мат был недопустим к использованию в присутственных местах и, конечно же, при детях. Употребление мата на улице, в транспорте и так далее встречало осуждение, отпор и даже наказание. «Материться как сапожник» – никогда не было достоинством.

Мат занимал и занимает в русской культуре и сознании такое место, какого попросту нет в других культурах.

Уметь материться было не только и не столько умением выражаться, высказываться матом многосложно и витиевато, но прежде всего было пониманием уместности и необходимости такого выражения. Условно говоря, общественное употребление мата даже в пьяном виде было признаком грубости, невоспитанности, глупости и неумения себя вести, а стало быть, и материться.

Активное использование мата было прерогативой закрытых и чаще всего мужских сообществ, таких как военные подразделения, корабельные экипажи, рабочие коллективы с подавляющим мужским или только мужским составом: шахтёрские, металлургические, строительные и прочие. В таких коллективах уже ценились умение строить фразы и словообразовательные таланты. Вынос же мата за пределы этих закрытых сообществ был предосудителен. К примеру, жёны многих офицеров, производственных и строительных инженеров, моряков даже и не догадывались о том, какие слова на службе или на работе употребляют их мужья. В свою очередь, мат при подчинённых считался признаком дурного тона, панибратства и слабости в руководящей среде.

Мои детство и юность прошли в промышленном городе, который не мог похвастать значительными культурными достижениями. Моими соседями, родителями одноклассников, людьми, с которыми я ездил в общественном транспорте, оказывался в магазинах и на улицах, были люди, в основном работавшие на больших и средних промышленных или химических предприятиях. Однако я прекрасно помню, что слышал мат крайне редко, и никогда использование мата не было проходным или незаметным явлением. Мат возмущал и пугал. Он был признаком неадекватного, агрессивного и даже опасного поведения. Проще говоря, сибирские мужики «как сапожники», где попало, при женщинах и детях, не матерились. А те, кому были безразличны общественные устои, правила и порядки, опасались прилюдно материться. Опасались за свою физиономию.

Потом мат выплеснулся на улицы и во все виды социальной среды. Начали материться подростки и даже дети.

Я не буду исследовать исторические и прочие причины случившегося. Это отдельная тема. Но мат выплеснулся, и это факт.

Некоторое время он числился непечатным языковым явлением. Какое-то время сам факт возможности написать или напечатать на бумаге матерное слово казался дикостью. Сказать – пожалуйста, но напечатать... Однако и это длилось недолго. Очень быстро появилась литература, которая сначала понемногу, пьянея от собственной смелости, а потом всё активнее и активнее стала пестреть матом.

Театр держался чуть дольше. Но сначала, в так называемом андеграунде, в театральных подвалах зазвучал мат. Там он окреп, получил свою публику, заручился поддержкой профессиональных театральных деятелей и хлынул на сцены государственных театров, а также в кинематограф.

В начале этого процесса мат в литературу, театр и на экраны приводили весьма талантливые и смелые представители «новой волны». Они видели необходимость приблизить

язык литературы, театра и кино к той жизни, к тому языку, которым говорила улица, город, деревня. Язык литературы, театра и кино, доставшийся художникам «новой волны», ощущался ими как искусственный, оторванный от жизни, ханжеский. Молодые художники не хотели им говорить. Не хотели ещё и потому, что общество заговорило матом чуть раньше.

То есть мат вырвался из-за закрытой двери и занял запрещённое ему прежде место в социуме и сознании.

Мат тогда ощущался художниками как необходимая правда. Драматурги, режиссёры совершали внесение мата в художественный язык как осознанный художественный и человеческий поступок. Они часто наталкивались тогда на неприятие мата и его отторжение публикой. Публика же реагировала на мат со сцены или с экрана как на бытовое хулиганство и неоправданную грубость. Публика не желала понимать культурно-художественных причин появления мата на сцене, экране и в литературном тексте.

Но это романтическое время длилось недолго.

Очень важным моментом для коллективного использования мата в русской художественной среде конца девяностых, моментом историческим, является появление в «новой волне» русской драматургии иностранного примера и модели развития, предложенной и организационно поддержанной современной английской драматургической школой и методом.

Это был метод так называемого «документального театра», или, по-английски, «Вербатим», привезённый и внедрённый в русскую драматургическую среду лондонским театром «Роял Корт» при поддержке британского посольства.

Это не было культурной диверсией. О нет! Я далёк от таких бредовых мыслей. В английском методе «документального театра» было много нового, полезного и попросту интересного молодым нашим драматургам, впоследствии сценаристам, многие из которых сейчас являются заметными фигурами в театре и кино. Но этот метод настаивал на буквальном, документальном перенесении речи разных социальных сред на сцену. То есть в нашем случае, случае русского языка – и мата. Но если для английского языка ничего революционного в этом не случалось, то для русского культурного контекста, безусловно, происходило.

Сами англичане понять этого не могли, потому что не видели, какую пропасть преодолевают слова мата, сказанные в уголовной или другой маргинальной среде, до сцены. Англичане не понимали, что авторитетом своей великой английской театральной культуры оправдывали появление мата в современной русской драматургии в любом неограниченном, а главное – неосмысленном количестве.

Как я уже говорил, дистанция между матом и нормативной лексикой в русском языке непонятна носителям других языков, потому что в языках нет столь закрытой и табуированной лексики.

К тому же ни в одном из европейских сообществ и государств не происходило такого революционного и быстрого выплеска «ненормативной лексики» на улицы и в общественную жизнь, как это у нас случилось в начале девяностых.

А использование мата избегало даже народное творчество. Фольклор. Были, конечно, и частушки, и прибаутки, и пословицы с матом. Но это были такие частушки и прибаутки, которые либо передавались, что называется, «на ухо», либо горланились, как говорится, по пьяни. Городские романсы, «зэковский», «дембельский» фольклоры редко, а то и вовсе не использовали мат, избегали его. Так называемый «шансон» не прибегает к услугам мата до сих пор.

Анекдоты с матом всегда носили статус неприличных или пошлых. Исполнялись такие в «проверенных» компаниях или предварялись словами типа: «А можно я расскажу пошлый анекдот?» Часто эти анекдоты были вполне невинны по содержанию, но статус пошлого и неприличного им придавало наличие матерных слов или даже одного слова.

Некоторые большие и средние авторы русской литературы отметились тем, что продемонстрировали знание мата. Но это были всё либо юношеские шалости мастеров, либо что-то сочинённое не для публикации и массового ознакомления.

Открытое использование мата в литературно-художественном русском пространстве стало возможным и осуществилось в девяностые годы с первыми ростками в конце восьмидесятых. Раньше остальных мат в художественных текстах стали использовать литераторы, покинувшие Россию и работавшие за границей, то есть в окружении иной языковой среды. Сам этот факт сообщал мату флёр романтики и диссидентской смелости.

К началу нулевых использование мата в театре, кино и литературе превратилось в сознании многих авторов, а также зрителей-читателей почти в норму. Мат стал хорошо продаваемым товаром, он прочно укоренился в интернете, мат стал признаком смелости, свободы и даже мужественности. (Мат в интернете и влияние интернета на освобождение мата – это отдельная, огромная тема, требующая серьёзного изучения и анализа.)

Важным историческим событием, обозначившим легализацию мата на театральной сцене России, был отказ руководства Московского Академического театра имени Чехова, то есть МХАТа, от статуса Академического театра и превращение МХАТа в МХТ.

Руководству театра необходимо было это сделать, чтобы обеспечить выход на сцену современных пьес, изобилующих не только остросоциальным содержанием, но и матом. Не социально-документальная тематика, не шокирующие сцены, а именно мат как таковой не мог найти место под академической крышей.

В данный момент я не говорю о художественных достоинствах тех пьес и спектаклей. В их числе были весьма талантливые, значительные и знаковые для своего времени постановки («Пластилин» Василия Сигарёва, «Изображая жертву» братьев Пресняковых в постановках Кирилла Серебренникова). Я говорю исключительно о мате как о языковом явлении и феномене, который появился на важнейшей сцене русского театра.

Так или иначе мат занял прочные позиции во всех сферах не только жизни, но и культуры. Он приобрёл своих мощных представителей, пропагандистов и сторонников.

Мат воцарился там, где никогда прежде в русской культуре не был и не должен был оказаться по своей сути, он занял не свойственное себе место, стал легко употребляем ситуативно и в любой среде.

И произошло удивительное! Именно по причине утраты своего историко-культурного, закрытого и табуированного места мат утратил и свою сущностную силу, а также значение. Он потерял свой вес, из мощной и тёмной силы превратился в языковой мусор и бессмысленную грязь.

Полагаю важнейшей культурной задачей искусства и общества вернуть мат на его исконное место в русском языке, сознании и культуре, тем самым обозначив его феномен, значение и силу как особого языкового оружия, возможного к применению только в особых социальных условиях и по особым причинам.

Могу себе представить усмешку или даже ехидный смех того, кто это прочёл...

Конечно!

Как это сделать?

Джинн, выпущенный из бутылки, ни за что не захочет обратно.

Никаким директивным образом, никакими запретами этот вопрос не решить. Придать применению мата в общественных местах статус хулиганства – бессмысленно. С курением бороться проще, чем с матом в нашем культурном и правовом контексте.

Вводить же простые и грубые запреты на использование мата в художественной среде, как это делает «Закон о мате», глупо. Этот закон производит обратный эффект: он героизирует мат, о чём я говорил вначале.

Всё запрещаемое сверху государством часто приобретает у нас ореол несправедливо обиженного, угнетённого. А всякий, кто нарушает эти запреты, приобретает образ героя, борца и правдолюбца. «Закон о мате» сообщает самому мату только усиление позиций и сочувствие окружающих.

Основная ошибка этого закона заключается в том, что он объявляет борьбу мату и с матом. А с этим языковым явлением невозможно бороться. Мат давно доказал свою непобедимую живучесть. Нужно думать о другом. Нужно думать об условиях его существования в культуре. Его особое место должно быть обозначено.

Это предмет серьёзной работы многих участников: учёных-филологов, культурологов, художников (в самом широком смысле этого слова), педагогических школ и пр.

Художника-автора нельзя запугивать и ограничивать ни в чём. В том числе и в использовании мата. Художник всё равно сделает то, что считает необходимым.

Вот только любой автор должен понимать, что если он видит художественную, философскую, индивидуальную или любую другую необходимость использовать любые языковые средства – это его неотъемлемое право как художника и автора.

Но всякий автор в русской языковой среде также должен знать, что если он избирает для себя необходимость использовать мат, то его произведение будет существовать в особых условиях, по особым правилам и на особой территории. Ни в коем случае не в гетто! А территории.

Особенность этих условий, правил и территорий обусловлена особенностью мата.

К пониманию этой особенности и призываю.

Создание таких правил и условий – вот самая трудная, но и чрезвычайно интересная задача.

Никто, ни один регулирующий и регламентирующий орган, никакая самая авторитетная комиссия, никакая цензура не могут и не должны решать, кто может в своих творческих работах использовать мат, а кто не может. Никто не может и не должен решать, какой мат и какое произведение с матом имеет право на существование, а какое – нет, какой мат, условно говоря, хороший, а какой плохой, какой художник талантлив в этом смысле, а какой нет.

Уж если есть бесконечное количество сложностей с чётким определением порнографии, то с определением художественности или нехудожественности мата будет ещё сложнее. Точнее, это определение просто невозможно!

Никто и никогда, кроме автора, не может решать, оправдано в его произведении использование мата или ему нет оправданий.

Особые условия существования художественных произведений с матом должны быть одинаковы для всех: для произведений мэтров и начинающих, для произведений принятых и обласканных критикой и наоборот.

Основой этих условий должно быть безусловное и обязательное информирование публики (зрителей, читателей, слушателей) о наличии мата в том или ином произведении.

Встреча человека с матом в культурно-художественном пространстве не должна быть неожиданной. Человек должен быть предупреждён о наличии мата в произведении, чтобы самому решать, знакомиться с ним или нет.

Это самый очевидный и легкоосуществимый способ определения мату особого способа существования в культуре.

Должны быть, конечно, определены и возрастные ограничения... Это дискуссионный вопрос.

Дискуссионных вопросов много. В частности, какие слова относятся к мату, а какие нет. Какие производные и неологизмы, содержащие корневую или графическую основу определённо матерных существительных и глаголов являются матом, а какие не являются.

Будут ли приравнены мату многочисленные грубые слова, находящиеся в пограничном языковом поле. Это тоже тема занятая.

Но главное, что человек должен быть обязательно предупреждён о наличии мата в кино, книге, спектакле, песне... Как по закону обязательно предупреждение о наличии алкоголя в дорогом, благородном и знаменитом коньяке и в бутылке заурядного пива.

Я помню свою первую встречу с матом в культурном пространстве и в художественном произведении. Это был шок и культурный, и социальный.

Случилось это в 1987 году в кинозале Дома офицеров посёлка Заветы Ильича во время субботнего дневного сеанса фильма режиссёра Михаила Швейцера «Крейцера соната». Произнёс то самое слово на экране персонаж в исполнении великого актёра Олега Ивановича Янковского. Вся фраза звучала: «Ты ведёшь себя, как ...».

Это прозвучало даже не как выстрел. Это прозвучало сильнее. Это прозвучало именно как матерное слово в совершенно не свойственном ему месте с никогда не говорившего матом прежде киноэкрана... в Доме офицеров.

А офицеры и матросы, в основном находившиеся в зале, знали мат не понаслышке. Но зрители были в шоке. В таком шоке, что никто даже не охнул и не хохотнул. Зрители не могли поверить в то, что это слово действительно прозвучало. И воцарилась гробовая тишина, которая потом превратилась сначала в тихое гудение, а потом в мощный гул. Все принялись обсуждать произошедшее, всем не верилось в реальность услышанного. Но главное, что фильм уже никто не смотрел. Восприятие художественного произведения перестало быть возможным.

Конечно, тогда это было значительным событием. И это было большим поступком большого художника. Впоследствии тот фрагмент в фильме был переозвучен, зазвучал с экрана литературный синоним матерного слова. Вот только губы великого актёра артикулировали то самое слово. Само переозвучивание фильма тоже стало предметом обсуждения.

Обидно то, что весь остальной художественный материал большой и сложно сделанной картины померк и стал несуществен. Одно слово мата, одно проявление воли режиссёра перевесило все смыслы и художественные пласты большого произведения.

Все, кто в восьмидесятые годы слушал и любил русский рок, забыли много имён, мелодий, песен и стихов, которые любили. Но если кто-то тогда хоть раз слышал песню Б. Гребенщикова и группы «Аквариум» «Электрический пёс», не забудут её только по причине наличия в ней фразы: «А женщины те, что могли быть, как сёстры, красят ядом рабочую плоскость ногтей и во всём, что движется, видят соперниц, хотя уверяют, что видят ...».

Фраза убеждала в необходимости использования именно этого слова. Она вызывала восхищение смелостью автора и поэтическими возможностями освоения столь непоэтического слова. Однако эта не самая важная и значительная песня в репертуаре ярчайшего поэта Гребенщикова из его ярчайшего периода творчества затмила многие и многие из его произведений. А также затмила многих исполнителей того времени только наличием одного матерного слова.

Я привёл два примера использования мата крупными художниками и два заметных художественных поступка, которые имели большой резонанс, выходящий за пределы исключительно художественного восприятия этих поступков. Они иллюстрируют особое место и значение мата в русском языке и культуре в то время, когда это место и значение было осознаваемо и обществом, и художественной средой.

Сегодня эти примеры выглядят чуть ли не наивно.

Теперь мат везде и всюду. Границы его использования даже не размыты, они стёрты.

Такое стирание границ присуще многим сторонам современной жизни.

Когда-то татуировка на теле говорила о многом. Татуировки были признаком особого жизненного опыта и принадлежности к особым социальным группам. Татуировки царили

в уголовной среде и говорили об уголовном опыте. Татуировки существовали в военных кругах и говорили о послужном и воинском опыте их носителей. Татуировки были у моряков и у некоторых других особых профессиональных групп. Татуировки были прерогативой людей экзотического жизненного опыта. Теперь же человек в возрасте меньше сорока без татуировки выглядит на пляже таким же редким явлением, как современный русский литературный текст без мата. Женское тело и женская литература не составляют исключения.

Эти татуировки и мат теперь не говорят об особом жизненном опыте, особом знании и принадлежности к особым субкультурам. В сущности, они не говорят ни о чём! Ни об опыте, ни о заслугах.

Но как татуировку, сделанную по велению моды, по причине юношеской глупости или просто за компанию, невозможно бесследно свести с кожи, так и бессмысленный мат, написанный и напечатанный по схожим причинам, убрать из текстов и высказываний тоже не получится.

Много и гордо матерящаяся в своих произведениях «новая волна» кинематографистов, театралов и литераторов утверждает, что без мата невозможна та самая «правда жизни», к которой они все стремятся и в которой видят свободу и подлинный реализм. Много и привычно матерятся застрявшие в конце восьмидесятых мэтры постмодернизма. Не задумываясь матерятся новые и замшелые панки, а также рок-н-рольные высокооплачиваемые и нищие хулиганы. Все они уже представить себе не могут себя без мата. В мате они видят единственную возможную правду.

Я не буду обращаться к высоким образцам русской литературы XIX века, к высотам прозы и поэзии Золотого века, которая жила без мата и не думала о его использовании. Не буду говорить о процветании натуральной школы русской литературы, которая обошлась без мата. Я не буду вспоминать о Серебряном веке и всех возможных литературных экспериментах и подвигах двадцатых-тридцатых годов XX века, которые отринули мат как таковой.

Не буду упоминать «Котлован» и «Чевенгур» Платонова, в языке которого была вся мощь невероятных возможностей русского языка, кроме мата.

Не вспомню Бабеля, с одной стороны, и «Тихий Дон» Шолохова – с другой. Горького, с одной стороны, а Булгакова – с другой. Всё без мата...

Но и в военной прозе, в лучших и самых ярких её проявлениях, то есть у Богомолова, Быкова, Бондарева, нет мата. Его представить в их произведениях невозможно... Также невозможно допустить, что в окопах той великой войны не матерились. Но в лучшей военной литературе мата нет.

В советском кинематографе о войне, аналогов которому нет и не будет, в фильмах «Иваново детство», «Проверка на дорогах», «На войне как на войне», «Восхождение», «Двадцать дней без войны», «Торпедоносцы» и многих других невозможно представить себе мат, как невозможно допустить более высокий реализм, чем тот, каким художественным языком сделаны эти картины.

Астафьева, крупнейшего мастера русской прозы второй половины XX века, Распутина, Белова, Вампилова – этих авторов невозможно упрекнуть в «лакировке действительности», чистоплюйстве, трусости или недостаточном знании жизни. Это были литераторы могучего реалистического пути, не отступавшие от правды. Но их художественный мир, язык и метод не допускали мата. Не допускали не по причине цензуры, а по сугубо художественным причинам.

Василия Макаровича Шукшина в неточности и творческой трусости не то что обвинить, но и заподозрить нельзя. Однако его кино и проза не то что не допускали, но и не предполагали мата.

Шаламов, Солженицын... Лагерный гиперреализм... Без мата!

Владимир Высоцкий...

Всякому художнику, начинающему и не очень, надо понять что мат необрабатываем, как самый твёрдый и особый материал. Мат – не алмаз, из которого можно сделать бриллиант.

Мат всегда остаётся матом и будет сам по себе перевешивать всё остальное в произведении, лишая смысла и затемняя.

Как в важнейшей для своего времени пьесе братьев Пресняковых «Изображая жертву», в спектакле и фильме К. Серебренникова по этой пьесе, вполне вставной, яркий матерный монолог милиционера перевешивает и заслоняет собой весь остальной, сложно устроенный текст и постановку с массой аллюзий, культурных ассоциаций и цитат. В сущности, вся эта пьеса является оправой для одного высказывания с матом.

Да! Наш мат могуч и удивителен! Он поражает своими возможностями производить новые и новые слова на основе горстки существительных и пары глаголов.

Мат имеет сильные терапевтические возможности и функции. Иногда просто необходимо выматериться, чтобы полегчало или чтобы не сойти с ума.

Но всё же мат был и остаётся в русском языке, культуре и сознании сквернословием и ничем иным. Таким сквернословием, которое не имеет прямых аналогов в иных языках по степени отдалённости от языковых нормативов.

Пришло время это понять, оценить тёмную силу мата и начать процесс возврата его на то место, которое только его и ничьё больше.

Хватит! Мы наигрались с матом, натешились, насытились им. Мы девальвировали и обесценили свою литературу, кино и театр избытком бессмысленного мата. Но тем самым мы обесценили и обессилили сам мат.

Пора опомниться! Пора увидеть, что мат – это не модно, не мужественно и не смело в таком количестве и в том обществе, которое матом уже не ругается, а матом говорит.

Мат есть мат! И если мы отпустим его на свободу, на волю... Мат перестанет быть собой. Он поднимется из тёмных своих глубин и закрепится на не свойственной ему и недолжной высоте... А вся русская культура и языковая традиция опустится ему навстречу.

Р. С. Есть возможность не материться – не матерись!

27 августа

Вот и закончилось лето, совсем не отразившись в дневнике. Всего несколько заметок, пара статей – и всё.

Лето было особенным... Этим летом я смотрел, читал и слушал новости так много, как никогда в жизни. Даже в конце восьмидесятых и начале девяностых я так не следил за новостями, как этим летом.

А провёл я лето там же, где и в прошлом году, – на греческом острове Корфу. Я полюбил это место, полюбил этот удивительный остров. В этом году ехал туда, уже зная, куда еду.

Опасался, что очарование любви с первого взгляда, удивление первой встречи в этот раз померкнут, улетучатся. Опасался, что что-то может надоест, померкнет яркость первых впечатлений... Нет! Ничего не улетучилось, ничего не померкло. Любовь к острову только усилилась, окрепла и закрепились новыми, ещё более глубокими впечатлениями.

А впечатлений было много. Я впервые в жизни видел настоящие смерчи, которые прежде наблюдал только в американских фильмах и в американских новостях под названием «торнадо». Прямо у меня на глазах смерчи зарождались, формировались, соединяли небо и море таинственной вращающейся трубой. Я их видел семь. Несколько минут у меня на глазах, на расстоянии не более километра извивались и танцевали два огромных смерча, похожих на мифических чудовищ или посланцев античных богов...

В середине июля я ночью побывал в эпицентре такой мощной грозы, какой не видывал и не слыхивал никогда прежде. Я представить себе не мог, что такие грозы вообще бывают. Я никогда не видел молний, уходящих в море буквально в двухстах-трёхстах метрах от меня. Причём в одну секунду случалось до десятка молний, просто счесть их количество было невозможно. А знаете, что происходит, когда молния попадает в воду? Я тоже прежде не знал... Не знал и не видел.

Ещё одной летней ночью я пару часов наблюдал, как из личинки вылупляется цикада. Как мерзкое коричневое насекомое превращается в большую, лобастую, красивую, большекрылую, смышлённую муху.

В один тихий вечер, придя на пляж после ветреного дня, стоя по щиколотку в посвежевшей за день воде и размышляя – купаться в этой воде или нет, – я познакомился с очень странно ведущим себя осьминогом, который почему-то подкрался ко мне, почти выбравшись из воды, и неожиданно присосался, обняв мою ногу всеми восемью своими ногами, которые у него также и руки. Честно говоря, я не был готов к этому знакомству и такой фамильярности, поэтому стряхнул его с ноги весьма грубо, при этом весьма громко крикнув. Он отплыл, но недалеко. А потом медленно подполз ко мне и сделал то же самое. Так мы и общались, пока он не уплыл...

У меня было много летних впечатлений.

На мой зов и по моему совету на Корфу приезжали друзья, которым я показывал уже полюбившийся мне остров и старался сделать так, чтобы они увидели его моими глазами. Мне кажется, что кто-то, так же как и я, полюбил Корфу.

Я познакомился этим летом со многими людьми: греками, англичанами, русскими, итальянцами...

В какой-то момент съехались мои приятели из Харькова и Кишинёва, между собой не знакомые. Мы ужинали вместе, было очень весело и в то же время печально. Разумеется, во время ужина многое подразумевалось, но мы не стали об этом говорить.

Дети, Саша и Маша, совершили рывок в росте, вытянулись и перешли в новые возрастные состояния.

Я попробовал в этом году еду, какой прежде не ел. Выпил вина, какого прежде не пивал.

Начал писать основу и сцены нового спектакля «Шёпот сердца». Написал около трети.

Ко мне прилетала молодой сценограф Оля Никитина, с которой я решил делать новый спектакль. Это наша первая совместная работа. Но, мне кажется, мы придумали очень интересное сценическое решение...

У меня было много впечатлений и дел этим летом.

В прошлом году было меньше.

Но в прошлом году я много писал о летних своих впечатлениях и делах. Этим же летом я практически не касался дневника и не делился впечатлениями. Хотел... Но не мог. Не знал, о чём писать.

Не мог в потоке новостей из Украины писать о летних своих радостях, открытиях и творческих замыслах. Просто не мог.

Я смотрел новости английские, американские, украинские, наши... Даже греческие. Правда, в греческих мог судить о новостях только по видеокдрам... Я пытался увидеть и понять правду, которая, в соответствии с древним утверждением, находится где-то посередине. Я хотел, чтобы из мозаики, лоскутков, обрывков, голосов, высказываний сложилась цельная картина происходящего.

Ничего не сложилось!

Почти каждый раз казалось, что вот-вот что-то будет понятно, но картина рассыпалась... И, как выяснилось, нет никакой середины!!! И правды нет никакой. Потому что то,

что происходит сейчас на Украине и у нас в связи с этим, – одна сплошная неправда. Потому что то, что происходит, словом «правда» называть нельзя.

Я много раз за лето кидался к дневнику, чтобы высказаться или сообщить что-то, что мне казалось понятой мною правдой. Но как же хорошо, что я удерживался от этого! Потому что видимое мной на следующий день разворачивалось совершенно другой и совершенно непонятной стороной.

За это лето из моей телефонной книги исчезло много номеров телефонов... В один прекрасный день вся информация бесследно исчезла из моего телефона. Я человек в цифровом смысле безграмотный и неаккуратный. Запасной телефонной книги где-нибудь в компьютере у меня нет, и поэтому за последний месяц восстановились номера тех, с кем я поддерживаю неразрывную связь, то есть с теми, кто мне позвонил или написал. Теперь в моей телефонной книге почти нет номеров, начинающихся на +38, – то есть практически нет украинских номеров. А ещё недавно их было в моём списке через один.

На днях, а точнее, недавно ночью, мне приснился Пётр Порошенко...

Мне неоднократно снился Путин. То есть сам он мне снился пару раз, но были сны, в которых, как бывает во сне, я знал, что где-то тут есть Путин. Или был человек, совсем не такой, как реальный Путин, но я знал, что это Путин. Или во сне я ждал встречи с Путиным. Или что-то с Путиным было связано. Даже страшно представить, скольким людям снится Путин. Мне снился и Медведев... Как-то по весне приснился Рауль Кастро, причём мы с ним ехали в поезде, за окном был определённно околотюменский пейзаж, но ехали мы к его старшему брату Фиделю, и Рауль просил меня обязательно объяснить его брату, что в прошлый раз он был не виноват. Во сне я знал, что было в прошлый раз и в чём Рауль провинился перед Фиделем, но поутру я этого не вспомнил.

Короче, на днях мне приснился Порошенко. Во сне он был как реальный Пётр Алексеевич, но только я ощущал себя старше его, хотя на самом деле он старше меня на два года, и он был как бы поменьше ростом. Сон был очень реальный. Всё происходило в каком-то пространстве, которое я понять не могу, но это было где-то у меня, то есть Порошенко был у меня в гостях. Дом был мой. Хотя такого дома у меня отродясь не бывало. И мы были с ним давно знакомы, только очень давно не виделись. Он сидел за столом и пил чай из большой чашки (никаких конфет на столе не было)... В логике сна он не был богатым человеком и производителем конфет, но президентом Украины был. Помню, он был осунувшийся, небритый, на голове у него была шапочка вроде лыжной, но без помпона, серая или тёмно-синяя. Сам он был в свитере с глухим горлом, как у Хемингуэя. Он вообще чем-то напоминал Хемингуэя в этом сне. Он был очень растерян, явно пришёл с холода, отогревался и о чём-то сбивчиво говорил. Он был очень-очень хороший в этом сне.

Я проснулся тогда совершенно счастливый, точнее, радостный. Я не понимал, почему рад, потому что сразу сон не вспомнился. Но было ощущение, что то, что меня тревожило и беспокоило, уже миновало, а то, что было плохо, теперь хорошо.

Однако потом были новости, реальное бритое лицо Порошенко, и вспомнился сон. Сразу стало ясно, что никаких причин для утренней радости нет...

Стало печально-печально из-за собственной наивности.

Мне кто-то говорит, мол, не смотри новости, я уже перестал их смотреть. Или говорят, мол, зачем об этом думать. А кто-то говорит мне – уже всё это надоело.

А я не могу оторваться или отключиться от новостей, потому что мне не надоело. Мне не надоело! Я смертельно, невыносимо устал от новостей, но понимаю, что ничего более страшного и безумного в смысле новостей, получаемых извне, я никогда в своей жизни не получал.

То, что происходит сейчас, – страшнее и безумнее холодной войны с ежедневным страхом увидеть гриб ядерного взрыва где-нибудь в стороне Кировского района города Кемерово.

Англо-аргентинская война на Фолклендах, в которой мы болели за Аргентину, была по сравнению с тем, что происходит сейчас, просто незначительным футбольным матчем, в котором Англия победила.

Война в Афганистане, на которую у меня были все шансы попасть и в которой погибли многие из тех, кто вместе со мной в 1985-м, коротко стриженный, пришёл на призывной пункт. Эта война, при всём своём жестоком и кровавом столкновении двух разных миров и культур, всё равно не так страшна, как та, что происходит сейчас.

И даже тёмный и ужасный многолетний чеченский сериал не так безумен, как нынешнее безумие.

Я не могу не следить за новостями, не могу не переживать и не пытаться хоть что-то понять в том, в чём понять не то что ничего невозможно, а просто нельзя – хоть и смертельно устал от этого.

Однако надо запастись терпением, потому что всё это очень надолго. Через три месяца будет год, как безумие началось. Кто мог представить себе год назад то, что мы будем переживать сейчас?.. И ясно, что никакое воображение не сможет нам нарисовать то, что мы будем переживать через год.

В Калининграде и у меня во дворе в этом году шикарный урожай яблок! Весна выдалась ранняя, лето – жарким, поэтому яблок много, они сладкие, налитые. Они падают в саду с приятным тяжёлым стуком. Очень хорошо. И во сне с Порошенко хорошо было пить чай.

3 сентября

Звонят друзья, приятели, которые на лето потерялись. Возвращаются, хотят встретиться. Последние дни только и отвечаю на вопрос: «Как дела? Как сам? Как семья?» Я говорю им: «Всё хорошо... если бы не Украина».

У меня действительно всё хорошо. Я провёл лето с семьёй, и было много радости. Я пишу новый спектакль и чувствую, что получается. В субботу женился младший брат Алёша. Женился на хорошей и любимой им барышне. У обоих есть работа и перспективы. Старшая Наташа перешла на второй курс, сын Саша идёт в четвёртый класс. Маша загорела и вытянулась за лето. Родители были на свадьбе счастливые. Все здоровы. Всё хорошо!

Я как мантру твержу про себя: «Всё хорошо, всё хорошо, всё хорошо». Я уговариваю себя, убеждаю: «Всё хорошо». Но не могу отогнать, хоть на время забыть и не чувствовать тревогу и какую-то душную тоску. Я смотрю на детей, занятых своими чудесными детскими делами и не обращающих внимания на телевизор, по которому изо дня в день идут только военные новости, и сердце холодеет и сжимается от тревоги и тоски. От страха за них и за тот мир, который их ждёт, тот мир, в котором я не смогу их защитить, мир, который рушится и рвётся прямо сейчас. Рушится безвозвратно.

Я чувствую свою полную беспомощность и вижу свои слабые руки... слабые, чтобы уберечь и защитить даже самое дорогое и любимое.

А дома всё хорошо – кроме новостей в телевизоре. А значит, нехорошо.

Всё лето я много говорил и спорил об Украине, о происходящем, о Путине, об Америке. Всё лето. Бесконечно говорил по телефону. Написал тысячи смс. Я слышал проклятия в свой адрес и в адрес моей Родины. Я слышал дикости во славу моей Родины. Я слышал непонимание моей Родины. Я говорил и слушал, слушал и говорил. Несколько раз и сам срывался на проклятия. Я смотрел новости, аналитические программы, читал и читал интервью, статьи...

Сейчас же я хочу сказать очень спокойно то, что я обо всём этом думаю. Сказать тем, кому хоть как-то интересно то, что я думаю, и небезынтересен я сам.

Это не программное заявление, не манифест и не анализ происходящего. Это мои личные, частные соображения. Что-то мне самому в моих мыслях кажется наивным, эмоциональным и банальным. Но я так думаю, я так считаю.

Я так думаю

Я пишу это и чувствую себя ужасно одиноко. Ужасающе! Потому что я давно не слышу тех, с кем был бы согласен.

Мне всегда было важно в процессе наблюдения и переживания разных времён и политических передрыг найти человека, который был бы профессиональным политиком, политологом, аналитиком, журналистом... Человека, более моего информированного, знающего, умного и при этом профессионала, которому бы я доверял и как-то соотносил своё мнение и видение происходящего с его более глубоким и основательным. Проще говоря, мне важен был кто-то, способный объяснить мне суть политических и экономических процессов. В таком человеке мне важно было всё: от репутации и способа высказывания до стиля одежды. Такие были. Теперь нет. Я не согласен со всеми. Есть те, кому я верю, но нет тех, с кем я согласен.

Я не согласен с Михалковым и не согласен с Макаревичем, с тем, что он говорит и делает. Я не согласен с «Эхом Москвы» и каналом «Дождь», я не согласен с Первым каналом, НТВ и Россией 24. Я не согласен с Би-би-си и Си-эн-эн. Я не согласен с Путиным, не согласен с Обамой и Меркель. Я не согласен с выбором украинского народа. Не согласен как с их выбором европейского пути, так и с тем, кого они выбрали в качестве президента. Я не согласен с тем, вокруг чего сейчас так сплотилось российское общество. Я не согласен с войной, которой не видно конца и края.

Я очень мало высказывался о происходящем. Но даже тех моих нескольких высказываний хватило для того, чтобы в нескольких украинских городах сожгли мои книги, хватило, чтобы потерять много знакомых, приятелей и даже друзей.

Я с этим не согласен! Я не согласен с тем, что так можно относиться ко мне и моим книгам только потому, что я не согласен с теми, кто решил мои книги сжечь, а также сжечь всяческие отношения со мной. Я не согласен с тем, что так легко можно что-то сжигать.

Я не согласен с тем, что у меня берут интервью украинские или российские журналисты и не публикуют его только потому, что я сказал не то, что хотели от меня услышать. Не согласен с тем, что эти интервью исчезают, будто этих разговоров не было.

Я хочу высказаться, чтобы те, кому это интересно, узнали от меня, что я частным образом думаю. Я выскажусь, чтобы кто-то перестал меня подозревать в том, в чём меня подозревать не стоит. Или чтобы кто-то утвердился во мнении, что его подозрения на мой счёт были не напрасны.

Сразу оговорюсь – никаких писем в поддержку или же наоборот я не подписывал. Ни в каких списках протестующих или одобряющих моего имени нет. Правда, мне и не предлагали ничего подписывать. Так что и факта гордого и смелого отказа в моей биографии нет.

Так вот, я думаю...

Я думаю, что то, что происходит сейчас, – это страшная катастрофа, причины которой коренятся очень глубоко в истории, а последствия будут такими тяжёлыми и неизбывными, что и представить сейчас нельзя. (Простите мне эту банальность, но я так думаю. Я часто бываю банальным в своих соображениях об истории и политике.)

Я думаю, что то, что происходило в Киеве в конце прошлого года, а теперь происходит во всей стране, никакого отношения к борьбе за свободу не имеет. Однако украинцы совершенно уверены, что они боролись и борются за свободу. Свобода же – это такая таинственная субстанция... О!!! О свободе я думаю очень много.

Как было сказано в одном стихотворении, которое я целиком не помню, а авторство мне неизвестно – услышал от кого-то, был впечатлён и запомнил одну строку: «Освобождение – залог не для свободы». Как же я с этим согласен!

Тот, кто пытается освободиться, никогда не будет свободен именно от того, от чего освобождается. Чем сильнее жажда освобождения, тем сильнее несвобода. Человек может стать даже рабом, рабом идеи освобождения.

Мои украинские знакомые, приятели и друзья искренне считают и даже уверены, что они свободнее нас, русских. Свободнее меня... Они убеждены, что эта свобода у них в крови. Этакая историческая свобода, непокорность и национальная гордость. Они всегда были вольными, но угнетёнными и поработёнными, однако негибимо хранили идеалы свободы. А мы, русские, наоборот, были и есть покорные судьбе и государю, и в силу этого, как считают мои украинские знакомые, мы склонны к порабощению других. Мол, сами несвободны, так и вы будьте покорны.

Со мной раньше часто, а в последнее время постоянно украинские знакомые говорили в лучшем случае как с дурачком, который ничего не понимает, витеет где-то в просторах своей театрально-литературной фантазии и не видит через свои розовые очки тяжести и гнёта российской жизни. Они говорили со мной, как с тем, кто покорен судьбе и покорен Путину. Они делали такой вывод только из того, что я способен жить и работать в стране с мрачной диктатурой.

Все мои слова о том, что всё не так просто, что моё отношение к тому, как живёт моя страна, сложно, глубоко и многослойно... Что очень много людей, моих соотечественников и современников, совершенно искренне поддерживают или даже любят Путина и при этом остаются нормальными, хорошими людьми, совсем не заслуживающими презрения и ненависти... Все мои слова о том, что я не пошёл на Болотную по целому ряду причин, но только не потому, что я боюсь, вызывали у моих украинских знакомых всепонимающую ухмылку. Мол, рассказывай, рассказывай... Я думаю, что если бы сказал им, что боюсь, это было бы им понятнее, и они, наверное, даже пожалели бы меня. Но я говорил так, как говорил. И они мне не верили или считали слепым, глупым, а главное – несвободным.

На меня смотрели свысока, в лучшем случае как на человека неплохого, но заблудшего и оправдывающего свои заблуждения. В худшем случае меня легко и не задумываясь оскорбляли. Почему? А потому что я думаю иначе. По-другому. Какая же это, простите меня, свобода – презирать человека, который думает по-другому? Тут свободой и не пахнет!

Мне не раз приходилось общаться с сектантами разных сект, или с теми, кто открыл истину где-нибудь в Индии, или с жёсткими, ортодоксальными вегетарианцами (что тоже своего рода сектантство). Все эти люди считали и считают себя носителями особого знания и понимания жизни. Они уверены, что находятся на высшей, чем остальные, ступени развития и постижения мира. Они говорили со мной с высоты своего просветления и знания. Им была дана уверенность в своей непререкаемой правоте. У всех сектантов есть простая и ясная идея, которая даёт им эту уверенность. Убеждённость! Убеждённость в своей исключительности.

Я часто сталкивался с такой же уверенностью в своих украинских знакомых. Видел в них это явное превосходство над собой, видел идею. Идею национальной своей правоты и приверженности к свободе, которой во мне нет. Нет, потому что я живу в России. Живу и ничего для свободы не делаю. Только ропщу. Да и то ропщу шёпотом и на кухне.

Я видел признаки этой идеи и национальной правоты в весьма образованных и умных людях. Они жили и живут этой идеей как огромная секта. Однако жизнь простой идеей – это высшая форма несвободы. Я думаю, это рабство. Любые самые, казалось бы, лёгкие формы национализма – это рабство. А националистические идеи ясны, просты и сладки. Но

они не имеют ничего общего со свободой мысли и духа. Нахождение всех исторических и философских объяснений национальными своими особенностями – это рабство.

Мне посчастливилось побывать в Африке, в Ботсване, Намибии. Я там встретил удивительно свободных, открытых и достойных людей. Они радостно шли на общение, не задумываясь ни о каких расовых, социальных и прочих различиях между нами. Они в Ботсване, живя в саванне, не знали рабства. Они живут в мире людей и животных... А потом я попал в ЮАР. В Ботсване и Намибии я быстро привык совсем не опасаться местных людей, полностью им доверять и даже доверять им жизнь. В ЮАР я столкнулся сразу с ненавистью к себе со стороны внешне ничем не отличимых от намибийцев людей, столкнулся с желанием меня обмануть, обворовать, ограбить или и того хуже. А это были такие же по происхождению люди, что и в Ботсване. Один этнос.

Именно там я со всей ясностью увидел, что рабство развращает в первую очередь и в гораздо большей степени не рабовладельца, а раба. Апартеид был, в сущности, рабством. У чёрных людей в ЮАР как не было прав, так и не было никакой ответственности. Всё было просто: во всём виноваты белые, а они, коренные, ни в чём не виноваты. Именно эта уверенность и сообщила им ощущение полного права меня ограбить и даже убить на их земле. А в соседней бедной Ботсване люди мне были рады просто как человеку и не видели во мне объект ненависти, зависти и наживы.

Как только кто-то приходит к убеждению или убеждён сизмальства в том, что во всём виноват кто-то иной, что вся ответственность за то, что происходит и идёт не так, как ему угодно, лежит на ком-то, а не на нём самом, – он превращается в раба. Корень глубокой, давней и могучей ненависти к России с Лениным или с Путиным, с Петром I или с Екатериной II, ненависть, которую я видел и слышал в украинских моих знакомых, кроется как раз в этом. В этой уверенности, что ответственность за все беды, за все бесконечные исторические неудачи и унижения целиком и полностью лежит на России, на Ленине, на Путине, Петре I, Екатерине II... ну и на мне, в конце концов. Потому что я так думаю. А я так думаю. Просто думаю – и всё.

А я думаю, что Украина ещё на первом Майдане открыла ящик Пандоры. Из этого ящика тут же явился Ющенко, смертельно большой патологической ненавистью к России. Он был так этим болен, что ничего не мог делать другого, кроме как ненавидеть мою Родину. Я думаю, он на работу ходил ненавидеть. Этой своей ненавистью он довёл страну до такого убожества, что Украина выбрала Януковича. И кто бы что ни говорил, Януковича именно выбрали, избрали. Своего. Он не с Луны упал и не с российского самолёта спрыгнул с парашютом. Вот и вышло: был Ю, пришёл Я – последние буквы алфавита. Символично.

Кстати, думаю, Янукович ненавидел Россию не меньше Ющенко. Он ненавидел её даже сильнее, потому что он её боялся. И Путина ненавидел и боялся. А ненависть плюс страх – самая лютая и подлая ненависть. Если бы не ненавидел, не шантажировал бы, не врал, не пытался играть на два лагеря, не проявлял бы глупую спесь и не сотворил бы весь тот кровавый кабак, который мы сейчас имеем. Я думаю, что теперь русская земля горит у него под ногами. Я так думаю. Хотя чертям огонь не страшен.

Думаю, что ненависть и свобода несовместимы в принципе.

Я думаю, что в крови на втором Майдане повинен именно Янукович. Я так думаю. Я не знаю, но думаю, что снайперы были именно его. Януковича, конечно, надо судить, и судить его должна Украина, но только не сейчас, позже. Иначе это будет слишком короткий суд. Да и судьбы – те, что сейчас у власти, – должны дожидаться суда над ними. Я думаю, что и Яценюк и Турчинов должны сидеть на одной скамье с Януковичем, на одном суде. Но, думаю, никакого суда не будет – или будет так нескоро, что фигуранты до него не доживут или не доживут по другим причинам.

В том ящике Пандоры оказался, среди прочих бед, и Крым...

Весть об аннексии Крыма застала меня в Тбилиси. Первого марта я, глядя из столицы Грузии на происходящее, думал, что началась или вот-вот начнётся полномасштабная война. Как же я тогда испугался! Испугался за своих детей...

Я думаю, что Крым был аннексирован. Балканский прецедент, на который так много ссылались Путин и компания в связи с Крымом, в данном случае считаю несопоставимым. Считаю, что Крым был вчистую аннексирован. И это ужасно!

Думаю, что тот крымский референдум был совершенно незаконным. Но также думаю, что люди голосовали на нём искренне и радостно. Думаю, что голосовали не под автоматами и не по принуждению в подавляющем своём большинстве. Хотя, может быть, кого-то и заставили – могли и было кому. Но большинство людей радовались. У меня телефон тогда не умолкал ни на минуту. Звонили из Севастополя, пели. Из Керчи, Феодосии. Тоже пели. Пили и пели.

Референдум был справедливый, но незаконный. Однако о какой законности можно было говорить в стране, где, как я думаю, руководство было совершенно незаконным? Потому что власть они захватили, сбросив президента. И это было беззаконие.

Януковича свергли справедливо, но незаконно – и получили справедливый, но незаконный референдум в Крыму. Беззаконная справедливость и свобода – разные вещи.

Как только кто-то уверует в справедливость без закона, тут же начинается кровопролитие и мракобесие.

Крым – это большая беда и скала, о которую разобьются многие и многие попытки примирения, о которых пока даже говорить рано.

Думаю, что много людей, тех, что голосовали на том референдуме, скоро пожалеют об этом, если уже не пожалели.

Но украинский Крым был жалок! Фактически жалок. Замусорен и изуродован до невозможности. Я не мог смотреть на дикие строения, поставленные с нарушениями всех мыслимых и немыслимых законов и норм, которые обезобразили дивные берега и горы. Не мог смотреть на то, в каком упадке находятся архитектурные шедевры, важнейшие для нашей культуры и истории. Форос прекрасен! Но как же он загажен и унижен! Сплошной крымско-татарский сервис и еда, дикая застройка Севастополя, ржавое железо в бухтах, заплёванные камни, некогда обильно политые кровью, пьянство и упадок... Симферополь больше похож не на город, а на какой-то оптовый рынок... Изменится ли это теперь? Ой, не знаю! Ой, не знаю...

Крым аннексировать было нельзя. Я так думаю! А что было делать? Я не знаю! Аннексировать было нельзя, но аннексировали его красиво. Мастерски. Я правда так думаю. То есть уж что-что, а аннексировать научились. И я думаю, что, не соверши Путин этого мастерского беззакония, было бы столько крови и было бы так страшно, что и думать об этом не хочется.

И ещё я думаю, что справедливо то, что в Севастополе теперь стоит русский флот без аренды. Незаконно стоит, но справедливо. Справедливо, что корабли НАТО там стоять не будут, нечего им там делать. Справедливо то, что английские военные моряки не будут прогуливаться вольготно по Севастополю, ощущая себя опять победителями. И немецкие не будут. Только гостями. Но не скоро...

Мне, как человеку, носившему бескозырку, невыносима сама мысль о том, что Севастополь мог бы быть не «город русских моряков». Справедливо то, что над Севастополем Андреевский флаг.

Я думаю, что не могут в одном учебнике истории в качестве героев соседствовать защитники Севастополя всех времён и Степан Бандера. Это невозможно! Не могут столь разные памятники стоять в одной стране. Вот теперь они уже стоят в разных странах. К сожалению, всё это незаконно... И не цивилизованно!

Однако я так думаю.

Таковы мои нецивилизованные мысли. Знаю же и сам сказал, что справедливость опасна... Но я такой справедливости в случае с Севастополем рад.

Двойные стандарты? Да, двойные. Но мне есть с кого брать пример двойных стандартов. «Цивилизованный» мир продемонстрировал эти примеры.

Руководство Украины незаконно. Думаю, что оно несамостоятельно и преступно. Преступно своей несамостоятельностью. Я думаю, что Америка напрямую и непосредственно рулит нынешним украинским руководством. Думаю, что Америка сделала ровно то, что хотела. Сделала и продолжает делать. Делает, даже не стесняясь откровенности и грубости своих действий.

Я думаю, что Америке совершенно безразлично, демократично или нет устройство Украины. Безразличны украинцы и то, что с Украиной будет. Безразлично даже, будет Украина или нет.

Я думаю, что Обама бездарный и глупый человек. Он амбициозный и слабый политик, обидчивый и нелепый. Думаю, что он сущий позор Америки и той политики, которая связана с его временем и им лично.

Удивительно, как Обама буквально за последний год совсем иссох, истощал и осунулся. Он быстро поседел и стал какой-то сивый. Он совсем перестал улыбаться и говорит пафосно и многозначительно. С таким выражением лица только врут! А сохнут так люди, которых никто не любит. Обаму не любит никто. Весь мир. Америка не любит. Прекрасный пример для подражания украинскому руководству.

Украинские лидеры ещё более пафосны. Они пафосны, как плохие провинциальные актёры плохого театра, занятые в плохой пьесе. Смешно, когда в убогом театре актёры пытаются изображать аристократов или иностранцев. Да ещё когда и пьеса им не очень понятна. Вот это и происходит с основными лицами украинской власти. Как же они смешны и пошлы в этом!

Яценюк говорит всегда многозначительно, делает постоянные паузы. Изрежет что-нибудь и обводит слушателей взглядом – ну артист да и только! Артист провинциальный, в самом худшем смысле этого слова.

Порошенко любит пышные фразы и цветастые обороты речи. Я думаю, ему кажется, что он внушительен и грозен. Но жесты мелкие и невыразительные. Порошенко склонен к артистизму и дешёвым эффектам. Вспомните хотя бы, как на фоне своего самолёта и под дождиком он сообщал нации о том, что не летит в Турцию из-за вторжения России. Как всё было выстроено, и дождик был уместен... Смешно. Я думаю – это смешно.

А как Порошенко кланялся и улыбался, вручая генсекретарю НАТО Расмуссену, чей писклявый голос никак не соответствует грозной должности, какую-то медаль. Медаль непонятно за что. Даже Расмуссен, я думаю, не понимал, что ему дают и зачем. Смешно это было и стыдно. Так я думаю.

Думаю, что кому-то смешно видеть походочку Путина, которую сам Путин ощущает поступью. Кому-то, наверное, смешны его «манеры». Мне же давно не смешно.

Мне жаль Ангелу Меркель, которая за последние полгода сильно сдала, скукожилась и постарела. Я думаю, ей очень не нравится то, что ей приходится делать и говорить. Думаю, ей не нравится говорить с Путиным, которого она, как мне кажется, терпеть не может и на дух не переносит... Но ей не нравится встречаться и с Порошенко, которого, думаю, она видит насквозь и презирает. Думаю, что ей не нравится исполнять указания из Вашингтона, а ей почему-то приходится их получать и исполнять. Ей не нравится Франсуа Олланд и не нравится с ним обниматься при встрече. Ей не нравятся её коллеги по Евросоюзу, которые мелкие и невыразительные. Ей не нравится тащить на своих усталых и покатых плечах этот аморфный и разношёрстный Евросоюз, раздираемый амбициями. Я думаю, ей противен Дэвид

Кэмерон, этот спесивый и очевидно неумный парень, смотрящий на Европу из-за Ла-Манша презрительно и свысока. Думаю, она понимает, что этот парень, похожий на породистую собаку, относится ко всем, и к ней в частности, как к собакам непородистым.

Я думаю, что госпожа Меркель лучше всех остальных понимает, какую кашу заварил Америка в Украине, несмотря на её робкие попытки это варево как-то предотвратить. И она знает, что эту кашу придётся, как всегда, по большей части расхлёбывать ей и Германии. Она это знает, потому что из ГДР, и понимает, с кем имеет дело в Украине и России.

Я думаю, что ООН – это вялая и утратившая хоть какое-то влияние организация, вполне ручная и управляемая. Во многом ООН, как мне думается, является формальностью и существует по привычке. Не припомню столь невыразительного, невнятного и слабого генерального секретаря ООН, как нынешний. Думаю, что ОБСЕ и прочие организации тоже превратились в некую формальность и обслуживающий конкретные интересы персонал.

Я думаю, что украинцы и Украина всё ещё надеются на помощь и поддержку Америки и Европы. Робко надеются на то, в чём были абсолютно уверены ещё в январе на Майдане. Они, наивные, радовались хороводу и веренице персонажей из Госдепа, Конгресса США и из Европы. Они принимали пресловутое печенье на Майдане за чистую монету. Я думаю, украинцы уже понимают, что их развели. Они просто не хотят в это верить. Не хотят этого понимать. Не хотят понимать, что с Украиной происходит то же самое, что в старом добром анекдоте... Анекдот-то старый, но будто придуман сейчас и именно про США с Европой и Украину. Анекдот короткий: после ресторана, боулинга и караоке только в бане Галя поняла, почему ей не надо было ни за что платить.

Помимо того что происходящее является страшной бедой и катастрофой, это также и результат удивительной глупости. Но глупость такая абсолютная, что хочется верить, будто это какой-то умный и хитрый план. Не хочется верить, что столько дураков и бездарей сейчас руководят странами так называемого цивилизованного мира.

Но именно и только глупостью можно объяснить то, что этот цивилизованный мир сделал ставку на людей, которые стоят сейчас у власти Украины. И те, на кого сделали ставку, тоже глупы. Думаю, что Яценюк и Порошенко просто послушные дураки. Иначе не понять их глупых и безрассудных действий. Умные люди так себя не ведут. Умные люди обычно способны понимать и оценивать меняющуюся ситуацию, свои возможности и адекватно оценивать себя. Умных людей так не обмануть.

Своей глупостью они сделали Путина многократно сильнее, чем он был. Не думаю, что это могло быть частью хитрого плана. Путин же является Путиным давно. Не понимать этого могут только дураки. Путин весьма предсказуем. Он Путин во всём, не понимать этого было глупо и глупостью остаётся.

Глупо так долго носиться с некими европейскими ценностями. Глупо полагать и надеяться, что «заграница нам поможет», жить иллюзиями. Жизнь иллюзиями приятна, но до поры до времени.

И глупо не видеть, что Европа Украину в объятия не примет. Европа брезгливо смотрит новости из Украины. Наивно думать, что европейцы считают европейцами тех, кого видят в этих новостях. Наивно надеяться, что Европа захочет иметь в своём составе страну с некрасивыми домами, заборами, пятиэтажками, которые к тому же разбиты бомбами и артиллерией. Европа не желает вникать в тонкости происходящего, только пытается сохранить лицо и ощущение свой былой силы. На самом деле она опасается за газ и понимает, что Украина газ воровать будет, как и воровала. Европа быстро поняла, что украинцам лучше в руки деньги не давать, потому что деньги чудесным образом тут же исчезают в украинских руках.

Европа тщательно моет руки после каждого контакта с Украиной и украдкой нюхает надушенный носовой платок, когда с Украиной говорит. Глупо всего этого не замечать. Я так думаю.

А той Европы, куда так хочет Украина, уже попросту нет...

Та Европа, которую мы полюбили с первой же встречи в конце восьмидесятых – начале девяностых, та Европа, которая нас потрясла и вдохновила, уже попросту исчезла. Её, той, уже не существует.

Когда я впервые увидел Европу, я понял, что прежней жизнью уже жить не смогу. Европа меня поразила, очаровала, изменила мои представления о быте и устройстве жизни, о порядке, чистоте и даже изменила мой внешний вид.

Мы в девяностые годы стремились сделать «евроремонт». Мы хотели, чтобы если не на улице, не в подъезде, то хотя бы в квартирах у нас была Европа. Мы мечтали отправить своих детей учиться в Европу. Отправить даже не за знаниями, а за европейскостью. Мы трудились и стремились приблизить Европу...

И где та Европа теперь? Где те Париж, Брюссель и даже Стокгольм, которые были всего четверть века назад? От той Европы с незыблемыми традициями и не меняющимся веками пейзажем остались только островки и клочки. Места, куда ещё в массовом порядке не добрались мои соотечественники и где над черепичными крышами не поднялись минареты.

Где та Европа, если во Франции нужно опасаться за кошелек сильнее, чем в Челябинске? Если целый район Брюсселя, недалеко от штаб-квартиры НАТО, нужно обходить или объезжать за версту? Если тебя не пускают в кафе в Копенгагене, потому что ты очевидно не араб... Что с Европой, если гражданин Великобритании перед камерой обезглавливает американского журналиста?

То, что происходит в Европе, говорит о полном отсутствии видения и понимания дальнейшего развития. Европа утратила не только могущество, но и авторитет. Европа перестаёт быть авторитетной не только в политике и экономике, но и стремительно теряет своё культурное владычество.

Европа измельчала и несёт на себе явные признаки вырождения, не желая их замечать и продолжая жить по привычке, с прежними замашками и амбициями, как старик, отказывающийся признать, что силы его покинули и одряхлели как мозг, так и мышцы.

Европа прежде не опускалась до столь явной лжи, как это она сделала теперь. Во время Балканских событий, во время Чечни подача новостей и пропаганда американская и европейская ещё сильно отличались. Теперь же не отличаются вовсе. Европа хоть как-то тогда сомневалась, пыталась разобраться, рассмотреть события с разных точек зрения. Нынче этого нет в помине. Все новости и взгляды односторонни, прямолинейны и именно по этой причине глупы и лживы. Этого в прежней Европе не могло случиться. Это было просто стыдно прежнему Старому Свету, родине демократии и подлинных свобод. Теперь не стыдно. Почему? Не знаю. Думаю, что Европа безвозвратно утратила самостоятельность и гордость.

Думаю, что наступило время полного отсутствия свободы слова, какого не было даже в эпоху холодной войны. Я так думаю. Если европейские новости копируют американские, то какая тут свобода?..

У нас свободы слова не было никогда. Точнее вроде была, но мы уже этого не помним. Кажется, и вовсе не было, но стало ещё хуже.

В последние полгода с наших телеэкранов исчезло немало заметных лиц телеведущих и журналистов. Думаю, они ушли по причине нежелания лгать так много, как им прежде не приходилось. Я так думаю. Остались те, кому всё равно, или же те, кому удаётся вроде бы и не соврать, но и не сказать правду. Исчезли те политологи, аналитики и те люди, которые в любом случае говорили в разных программах хоть какие-то контрапунктные слова и мысли.

Несколько очагов «свободы слова» вроде «Эха», «Дождя» или «Независимой газеты» вроде бы есть. Но я думаю, что их сохраняют для создания иллюзии свободы слова. А сами эти очаги больше всего напоминают бунт в богадельне.

Многие и очень многие исчезли и замолчали от страха.

Зато поднялись и выросли те, кто врёт самозабвенно, убеждённо, с верой в то, что врать необходимо, когда родина в опасности. Эти редакторы, политологи, аналитики, журналисты и ведущие видели Путина живьём. Возможно, задали ему вопрос, возможно, даже получили ответ и ощутили просветление, а также познали высший смысл лжи в нынешнее «смутное время».

Я думаю, что российская пропаганда сегодня так глупа и бездарна, что попросту недостойна страны. Её уровень говорит о недоверии к тем, на кого она направлена. Я думаю, нам просто не доверяют. Враньё – это всегда недоверие.

Украина же сейчас, как мне думается, не может себе позволить свободу слова как некую роскошь во время войны. Как быстро эта свобода слова там исчезла! Та свобода, которой так гордились все мои украинские знакомые ещё совсем недавно. Гордились и тыкали меня в неё носом, мол, вот, смотри, у нас есть то, чего у вас нет и быть не может.

Я думаю, что украинские СМИ, устраивая очередную информационную истерику или вещая о победах и доблести, в сущности, обречённых своих солдат, эти самые СМИ и себя считают добровольческим батальоном, который ведёт беспощадный бой за свободу и независимость Украины. Ложь, ложь и ложь. Ложь как оружие. В той борьбе за свободу, которую ведёт Украина, в первую очередь приносится в жертву свобода слова. А, в сущности, я думаю, свободы слова в украинском государстве и не было. Говорить что хочешь, и свобода слова – это разные вещи. Я так думаю.

Я думаю, что когда Путин говорил про задержанных на территории Украины десантников, говорил, что они заблудились, на самом деле так не думал. Я думаю, он думал иначе.

Я думаю, что на юго-востоке по-настоящему, действительно, есть повстанцы и ополченцы, точнее я думаю, что они там тоже есть, кроме солдат удачи и наших военных. Я этого точно не знаю, но так думаю. Думаю, наших военных там много, а если понадобится, станет ещё больше. Думаю, что это неправильно и незаконно. Но наш министр иностранных дел и президент говорят, что их там нет. И я почему-то думаю, что они говорят неправду. Думаю, что это ужасно.

Думаю, что на Донбассе и Луганщине творятся настоящие ужасы, что там сейчас много людей с оружием, которые осуществляют такое беззаконие, что и думать страшно. Любая война в сегодняшнем мире притягивает и буквально призывает отовсюду всякий сброд и человеческую мерзость. Думаю, там сейчас много мародёров, уркаганов, наркоманов, отморозков и прочей нечисти. Они вооружены, и они там правят свой страшный бал. Думаю, что с ними нужно бороться всем. И украинским военным, и тем, кто числятся ополченцами. Но думаю, что там все так перемешались, что мародёров от ополченцев или от бойцов национальной гвардии мирным людям отличить трудно, некогда и не хочется.

Думаю, люди в тех городах, где нет сейчас повстанцев, банд или украинских военных, молятся, чтобы война миновала их и чтобы всё шло как было.

Думаю, что жители Мариуполя уже не надеются, но всё же молятся, чтобы их город не был взят и чтобы в него не пришли бои. Я так думаю.

Я думаю, что украинские войска и добровольческие батальоны стреляли и стреляют по жилым кварталам. Бомбят города с самолётов, забрасывают минами, обстреливают ракетами и повинны в гибели многих мирных людей. Стреляют и стреляли плохо, но много. Я думаю, что многим стрелявшим всё равно, будут там убитые или нет. Война имеет такое свойство, она притупляет многие чувства, обостряя только некоторые. Украинские и европейские СМИ утверждают, что регулярные украинские войска не обстреливали города, не бомбили, а я думаю, что бомбили и обстреливали.

Думаю, что многие добровольческие батальоны сражаются люто и смело, жестоко сражаются. Сражаются за Украину. Но жестокость в гражданской войне – это преступление. А я думаю, что всё, что происходит, – это гражданская война и никакая другая.

Думаю, что Стрелков и прочие, вроде полевого командира с позывным «Моторола», – военные преступники. Но и все бойцы и командиры батальонов «Айдар» и «Азов» – тоже военные преступники. Все, кто там воюет добровольно, все преступники. И те, кто сражается идейно, и те, кто приехал пострелять за деньги или за адреналин. Те, кто туда пошёл по приказу, скорее невинные жертвы, если только не проявляли особого рвения и усердия.

Однако к «Мотороле» я испытываю большую симпатию, чем к батальону «Айдар». Ругаю себя за это, считаю это неправильным. Но пока так. Почему? Да, видимо, потому, что та идея, которая лежит в основе причин, которые создали этот батальон и собрали в него людей, мне отвратительна. Национализм в любом виде и проявлении, как я думаю, не имеет оправдания.

Я правда не понимаю, как столь много людей в Украине реально могут надеяться на военную победу на юго-востоке. Хотеть они её могут, это вполне понятно, но как они могут в неё верить? Не могу этого понять! О чём они думали и думают? Они что, думают, что возьмут Донецк и Луганск – и всё? И будут налаживать мирную жизнь как ни в чём не бывало?

Неужели ещё не понятно, что прежней Украины с Донбассом и Луганщиной уже не будет? Её уже нет. О той Украине можно вспоминать, как об СССР, то есть как о чём-то любимом или ненавистном, но безвозвратно ушедшем.

Я понимаю, что Украина не переживала Чечни и чеченских кампаний, Украина не знает горя и унижения поражения от, казалось бы, маленького региона. Украина не переживала перехода от желания видимой лёгкой и быстрой победы и шапкозакидательства к отрезвлению и признанию невозможности победы как таковой. Украина не имеет такого опыта, а недолгая история украинской государственности была до февраля нынешнего года бескровной.

Украина была в восторге от Чечни, героизировала чеченских головорезов и сама ехала туда пострелять москалей. Теперь те же самые чеченцы... Не другие, а те же самые воюют на Донбассе, стреляют украинцев. Я думаю, теперь Украина в известной степени исполняет роль России того времени. Но пока ещё идёт первая фаза – жажда победы... Я думаю, что скоро это пройдёт. Просто надо вспомнить, что Грозный штурмовали не один раз. Брали Грозный. И что?

Я думаю, что всё в Украине кончится гораздо хуже, чем тогда для России с Чечнёй. Я почему-то думаю, что третьего Майдана не будет, хотя о нём много разговоров. Майдан себя исчерпал как инструмент народного волеизъявления. С нынешней властью никто так церемониться не будет, чтобы два с половиной месяца стоять в холода на Майдане. Я думаю, что нынешняя украинская власть будет сметена своими же измотанными, обманутыми и отчаявшимися войсками. Я в этом не уверен, я это не предрекаю, я так думаю.

А мы? Мы будем получать всё новые и большие санкции, будем роптать, но терпеть, будем гордиться своей сильной и гордой позицией. Думаю, будет плохо и долго. Будет хуже, чем многие думают. Многим.

Кто-то не возьмёт кредит и не купит возжеленное жильё. Кто-то разорится, кто-то решит повременить с рождением ребёнка, кто-то не женится, не выйдет замуж. Кому-то станет совсем невыносимо жить в России, чьим-то планам не суждено состояться, рухнут карьеры, судьбы...

Но при этом, я думаю, санкции не повредят тому, на кого они направлены. Путин, думается мне, сейчас очень интересно живёт. Вижу, что ему интересно и азартно. Он же у нас боец. Он с лихостью проверяет на прочность и мировое сообщество, и нас. И думаю, что он при этом решает какие-то свои, сугубо личные задачи.

Решение с продовольственным эмбарго, я думаю, был сильный ход. Во-первых, это чувствительно для Европы, я сам это видел, находясь в Греции. Видел растерянность и отчаяние людей, которые вырастили фрукты и вдруг поняли, что работали зря. Думаю, что эмбарго чувствительно не только для греков. Во-вторых, ход сильный потому, что Путин понимал, что русские люди с пустыми кастрюльками на демонстрацию не выйдут, в кастрюльки стучать не будут, не поднимут кипиш из-за еды. Постесняются, что ли... Потерпят... Ведь потерпим же? Потерпим! Даже несмотря на то, что решение принял он, а терпеть придётся нам. Но, думаю, справимся.

Позавчера поехали и закупили впрок много консервированного французского зелёного горошка и кукурузы. Не особенных каких-то, а самых обычных, «Бондюэль». Эти консервы ещё пока есть. Но скоро, сказали, их не будет. Просто дети привыкли к ним сызмальства. Мы не брали впрок креветок, кальмаров и мидий, пресловутого французского сыра. Зелёный горошек и кукуруза... Было противно закупаться впрок. Унизительно. Вспомнились давно прошедшие годы и, казалось бы, забытые навсегда ощущения.

Рыба на рынке в Калининграде сильно подорожала. Не на семь процентов, как сказано в новостях, а почти вдвое. Норвежской лосось стоил в среднем 350 рублей, а теперь тот же лосось, только продавцы утверждают, что не норвежский, а из каких-то дальних морей, стоит на рынке 600, а в магазинах 700. Хотя лосось тот же. У Калининграда, конечно, особое географическое положение, но, думаю, в целом по стране как-то так же всё.

Мясо сильно подорожало: свинина была 350, сейчас 500.

А в новостях говорят о росте на 7 %, на 3 %, на какие-то 0,8 %. Показывают губернаторов. Губернаторы все радостные, говорят, мол, давно пора. Говорят, что своего добра завались и у нас всё только лучше. С советских времён не помню столько репортажей про грандиозные успехи наших сельхозпроизводителей. В стране за одну неделю стали производить сыра аж на 10 % больше. И сыры у нас прекрасные, свежие, никакой плесени...

Я думаю, всё это ложь и неуважение к тем, кто это эмбарго вытерпит и оплатит его из своего кошелька, то есть неуважение к нам. Это также и презрение к нашим детям, которые гораздо сильнее держатся чего-то привычного и знакомого, в том числе в еде...

Мы эмбарго выдержим. Но вот лгать нам не надо! Это оскорбительно! Ложь человек долго терпеть не будет. Ложь унизительна! Я думаю, что если ложь будет столь откровенной и бессовестной, если наш премьер-министр будет лично инспектировать цены в магазинах, как он пообещал, и сообщать нам, что цены выросли максимум на 8,3 и 0,8 %, нашему терпению быстро придёт конец. Я думаю, в этом случае у Путина не так много времени, как ему в данный момент кажется. Я так думаю.

А эмбарго-то мы вытерпим. В этом смысле расчёт правильный.

Я думаю, что украинское общество ошибается давно, я думаю, что оно отравлено идеей освобождения и что Украина раб этой идеи. Вот только вопрос, от кого сейчас освобождается Украина, от Путина или от Пушкина?

Я думаю, что сейчас проходит катастрофическая и жестокая операция по разрыву Украины и России. Эта страшная операция фактически завершена. Остались какие-то ниточки.

Происходящее похоже на разъединение двух сиамских близнецов, которые друг без друга полноценно жить не смогут. Разрывают два организма, имеющих одну кровеносную систему. Это не один организм, их два! Есть два отдельных сознания, два сердца, две души, но кровеносные сосуды одни на двоих. Эта жуткая операция производится без наркоза и самыми грубыми инструментами. Кровеносные сосуды рвутся через жизни, семьи, дружбы, дела, связи, судьбы, историю, культуру. Рвутся, разрубаются с размахом. Крови очень много. Кровь общая. Боль зашкаливает. Опомниться никто не может.

Разорванное обратно не срастить. Такую рану не залечить, не зашить. А других, близких организмов, чтобы к ним прирасти, нет и не будет. И доноров не будет. Группа крови уникальная. Я так думаю.

Вот я написал то, что думаю, и то, как считаю. Длинно написал, может быть, путано, возможно, банально. Я ещё много чего думаю о происходящем. Но полагаю, что и так понятно, как и каким образом я это вижу и как понимаю.

Так почему же сожгли мои книги? Их сожгли не в магазине, не в библиотеке. Их сожгли люди, которые их купили и читали. Люди принесли их из дома. Надеюсь, эти книги людям нравились. В этих книгах из того, что я думаю, как думаю, не изменилось ни одной буквы, ни одной запятой. Но отношение к ним изменилось. И ко мне тоже... И я не знаю, будь у тех людей возможность, что бы они сделали со мной? Не знаю. Думать за них не берусь.

Но, думаю, что жгли мои книги люди, ослеплённые ненавистью, то есть в тот момент тотально несвободные люди.

Они тогда не думали, они были уверены, что я не прав, так что всё, что со мной связано, надо уничтожить. А ещё они были уверены, что правы они, что я виноват, потому что думаю не так, как им хочется, и должен быть наказан. Они наказали меня – сожгли книги. Мне было больно.

Такая абсолютная уверенность в своей правоте и правильности своих действий говорит о несвободе. Когда кто-то абсолютно уверен в том, что тотально и во всём прав, а другой человек тотально не прав – это несвобода.

Я думаю, что свобода в сомнениях, свобода в ответственности, свобода в бесконечной тревоге и опасении нарушить чужую свободу. Например, свободу думать иначе, иначе понимать, видеть, жить, говорить. Так я думаю.

И маленькая притча напоследок.

Помню, у меня был приятель в Кемерово. Давно. Город жёсткий. Приятели были разные, он был постарше меня. Когда-то, по малолетству и глупости, в пьяной драке убил он ножом двух человек. Потом долго сидел на какой-то суровой зоне. Вернулся, занялся делишками а-ля девяностые, но тянулся к нам, к творческим. Просто посидеть, послушать, побыть среди других людей. Мы не возражали. Он был тихий, умный и страшный. Мы знали его прошлое, и оно всегда висело в воздухе... И вот как-то при нём в компании я стал ругать заочно какого-то приятеля. Говорил, что он сволочь, лжец, подонок, каких мало, и мерзавец. Говорил, что он такой, такой и ещё вот такой. Говорил много, резко, категорично, а главное – страшно гневно... Он, в прошлом убийца, сидел, слушал и вдруг, дождавшись паузы, тихо и холодно сказал: «А давай его убьём!» – и так посмотрел, что волосы зашевелились у меня на загривке. Тогда я понял, как нелепы, глупы и ничтожны все мои слова, упрёки и гнев на человека, которого я только что ругал последними словами. Это был сильный урок на всю жизнь.

P. S. Я думаю, что Украина совсем не знает демократии. Последние полгода это наглядно показали. Они путают справедливость с демократией, вольницу со свободой... Но демократию они не знают совсем, они представления о ней не имеют. Мы в России о ней знаем куда больше, потому что мы знаем, что у нас её нет. Я так думаю.

8 сентября

Очень давно не делился музыкальными и художественными впечатлениями. Не делился потому, что и делиться-то было нечем, да и, как говорится, когда грохочут пушки, музы молчат. Хотя у меня уже были случаи убедиться – а также я знаю и из истории, – что грохочут пушки или не грохочут, музы всё равно не замолкают. Их просто не слышат.

А сегодня хочу поделиться и обратить внимание на удивительное музыкальное событие, которое, на мой взгляд, имеет большое значение и масштаб, но прошло тихо, почти незаметно и всколыхнуло только узкий круг тех, кто внимательно следит за нашими музыкальными событиями.

Для меня это, безусловно, событие, и очень ожидаемое, потому что от Олега Нестерова и группы «Мегаполис» я всегда жду новые песни, альбомы, мелодии, жду нового звучания. Жду, а они работают подолгу, новыми песнями и звуками нас не забрасывают, что-то делают себе, что-то пишут, как-то живут в своём прозрачном смыслами и мелодиями, но при этом таинственном музыкальном мире.

Чем громче и оглушительнее события, происходящие в мире, чем крикливее и неприимее споры в обществе, чем разухабистее и неряшливее наше кино, литература и музыка, тем тише, неторопливее и лиричнее интонации Нестерова и «Мегаполиса», тем необходимее и обязательнее их музыка к прослушиванию сейчас.

Новое произведение Олега и «Мегаполиса» – это какое-то чудо!

Я понимаю, что рекомендовать многим людям, тем, с кем я незнаком, что-то послушать, – самонадеянно и, наверное, неправильно. Музыкальные вкусы – самая таинственная и тонкая ткань.

Я думаю, что многие и многие то, что сделал Нестеров, и музыкой-то не сочтут, и песнями не посчитают. Но всё же – вдруг кто-то послушает, и ему именно эта музыка поможет пережить времена, которые мы переживаем, не просто пережить, а пережить содержательно, без отчаяния, а, наоборот, с пониманием, что есть люди, эти люди никуда не денутся и не переведутся... Люди, которые хотят и могут в любые времена делать музыку. Просто музыку.

Идея того, что задумал и сделал Олег в своём произведении, удивительна. Если говорить коротко и просто, он написал музыку к неснятым фильмам. Подробнее и яснее можно прочесть у самого Олега. Он посвятил свою работу конкретным людям советского кинематографа, которые не смогли, которым не дали, которые, возможно, не справились с теми художественными задачами, что хотели осуществить, но не осуществили.

Идея красивая, чудесная, но для меня она не так важна в своей конкретике. Для меня важнее другое. Олег и «Мегаполис» написали музыку и к моим неснятым фильмам и несделанным спектаклям. Да что там моим... Любой человек, который в детстве и юности мечтал сняться в кино, просто фантазировал себя артистом в существующем или несуществующем фильме, всякий, кто пытался написать стихотворение, но не дописал или не написал вовсе, всякий, кто хотел сделать что-то прекрасное, а сделал просто хорошее, хотел сделать большое, а получилось небольшое или совсем ничего не получилось, всякий сможет услышать в новом произведении Нестерова и «Мегаполиса» музыку к своим неснятым фильмам, к ненаписанным песням, спектаклям, вспомнить слова ненаписанных книг, недодуманных мыслей, невысказанных признаний.

То, что сделал Олег, – очень и очень грустно. И очень красиво! Почему-то всё самое красивое обычно грустно. Почему-то всё самое тонкое, изящное и прекрасное обычно звучит в миноре. И даже то, что вроде бы может показаться мажорным, звучит с какой-то грустной интонацией. Не с тоскливой, не с отчаянной, а именно с грустной.

Короче говоря, я делюсь с вами своим сильнейшим впечатлением от того, что сделали Олег и «Мегаполис». Я счастлив, что они смогли это сделать так сосредоточенно, так неторопливо и так изощрённо... На меня это произвело не только музыкальное, но и человеческое впечатление в том смысле, что «Из жизни планет» – это просто очень серьёзный человеческий поступок и большая работа.

И ещё я счастлив, что в этом произведении я нашёл ту музыкальную тему, которая мне совершенно была необходима. Я долго искал недостающую музыку к моему новому спектаклю «Шёпот сердца». Искал и не мог найти. А у Олега и «Мегаполиса» я её услышал.

Эта песня «Другой». Мало того, я попросил её для нового спектакля, и Олег мне с радостью её предоставил. То есть и в этом смысле для меня лично новое произведение «Мегаполиса» вышло вовремя (это я так слегка пошутил. Хотя это правда).

«Мегаполис» играет «Из жизни планет» в Центре Мейерхольда, точнее, сыграют они это всего пару раз. Как это можно осуществить практически и технически, я себе не представляю. Но ужасно хотел бы при этом присутствовать. К сожалению, не смогу. Меня не будет в Москве. Завидую тем, кто может позволить себе присутствовать на этом значительном и совершенно уникальном музыкальном событии. Я знаю, что во время концерта будет осуществляться запись и это можно будет посмотреть. А я хочу это увидеть, как ребёнком хотел заглянуть внутрь музыкальной шкатулки, которая мне казалась волшебством. Я хотел увидеть маленьких и удивительных музыкантов, которые там, внутри, делают чудо.

Когда делаются такие сложные и негромкие вещи, как музыка «Мегаполиса» и «Из жизни планет», этому всегда нужно помогать своим вниманием и своей поддержкой. Я только что признался в любви к этому музыкальному событию и к музыке «Мегаполиса» в своей жизни, тем самым надеюсь оказать помощь Олегу и тому, что он задумал и сделал. А вы можете как минимум их послушать, пойти на их концерт или поучаствовать в судьбе концерта как-то иначе. Музыку Олег и «Мегаполис» уже написали, сыграли и записали, но долгая или не долгая жизнь этой музыки зависит от тех, кто её слушает и любит.

25 сентября

«Российская газета».

Текст: Лариса Кафтан

Евгений Гришковец:

«Кто мы такие, чтобы прощать...»

Писатель Евгений Гришковец провёл несколько встреч с читателями в Москве, поводом для которых стал выход книги записей из его блога «Одновременно: жизнь» (за год, по май 2014-го).

Евгений Гришковец появлялся на всех встречах минута в минуту, никому не делал замечаний по поводу пикирующих мобильных и даже не просил их выключить (как известно, за звонки на мобильники во время его спектаклей Гришковец, бывало, даже просил зрителей покинуть зал). Но на встречах с читателями в Москве был доброжелателен, терпеливо отвечал на самые, казалось бы, странные и дурацкие вопросы. А потом часами подписывал желающим свою новую книгу. К слову, аудитория на всех встречах оказалась на удивление молодой, людей старшего возраста было очень немного.

Публикуем некоторые интересные моменты с этих встреч.

– Почему вы закрыли комментарии в своём блоге?

– Потому что мало вдумчивых комментариев. Какие-то «лайки»... Я не присутствую в соцсетях, не пишу в «Фейсбук». Со мной там подружиться невозможно. Со мной вообще подружиться сложно... Как у Тарковского в «Сталкере»: «Обругает какая-нибудь сволочь – рана, другая сволочь похвалит – ещё рана...» Писателю это не нужно, должна быть дистанция. Интернет – это инструмент, а человек его обожествляет. Мы доживём до того времени, когда будет массовый исход из социальных сетей. Но там задействованы такие деньги, что людей так просто оттуда не выпустят. (Улыбается.)

– Вы от руки в блог пишете, а потом текст печатается?

– Все тексты пишу от руки. Считаю, что текст от руки более качественный. Его качество зависит порой даже от качества ручки. Бумажный текст предполагает правки. Бумага хранит следы работы. А от компьютерной правки никаких следов не остаётся. Пишу мед-

ленно. На шесть-семь страниц текста, которые вы будете читать три-четыре минуты, у меня уходят сутки работы. Не умею писать быстро. У меня мало текстов. (*Цитирует: «Так хорошо было бы лежать, смотреть в потолок, думать о жизни... если бы не было Гришковца».*) В двадцать два года я писал скверные стихи, которые уничтожил. Но самое обидное, что я их помню. (*Смех в зале.*)

– *Зачем играете в своих спектаклях?*

– Я писатель, который играет в театре. Зрителю важно, что своё произведение исполняет автор. Если бы Владимиру Высоцкому кто-то писал, он бы не стал великим исполнителем.

– *А сами бы хотели снимать кино?*

– Я пишу книги, которые сам хотел бы читать. Если начну снимать кино, знайте: я сошёл с ума. (*Смех в зале.*)

– *Не планируете ли сниматься?*

– Меня почему-то не приглашают. Недавно пригласили. Спрашиваю, о чём фильм. Не важно, о чём, отвечают, главное – где: в Крыму. Понятно, есть госзаказ: Крым, но если не важно, о чём фильм, я не могу в нём сниматься. Хотя, по-моему, я очень хороший актёр. (*Смех в зале.*) У меня семь картин, считаю съёмки высокооплачиваемым отдыхом. Все тебя любят, носятся, кормят, весело... Но меня не зовут. Возможно, опасаются, что я как писатель буду предлагать отсебятину. А я очень дисциплинированный... (*Смех в зале.*)

– *У вас есть увлечения?*

– Мои дети. У меня коллекция детей. (*Смех в зале.*)

– *А путешествия?*

– С октября у меня поездки: Нижневартовск, Сургут, Магадан, но это не путешествия. Ехать туда у меня много причин. Не хочу никуда ехать как турист. Не переношу жизнь в гостиницах – она для меня отдыхом быть не может. Хочу побывать в Новой Зеландии, но хочет ли Новая Зеландия, чтобы я приехал? Есть причина впервые поехать в Китай: там выходит моя книга. Буду общаться как с инопланетянами: зачем вам это? что вы поняли? (*Смех в зале.*)

– *Нужно ли человеку братья за перо, если вдруг пришло вдохновение?*

– Если вы работаете врачом или бухгалтером и к вам пришло вдохновение писать книги, засуньте его подальше. У книги своя анатомия, устройство, его надо знать. Настаиваю: вдохновение чаще всего связано с графоманией.

– *Но ведь Чехов был доктором, и Булгаков, и они стали знаменитыми писателями.*

– Если бы у Чехова не было сестёр, братьев, родителей, он вряд ли пошёл бы в медицинский. И если бы он написал только свои докторские рассказы, мы не знали бы такого писателя. А Чехов посвятил жизнь литературе. То же и с Булгаковым. Врач в свободное от работы время не может написать «Белую гвардию» и «Мастера и Маргариту».

– *Какого читателя вы представляете, когда пишете?*

– Он похож на меня. Это я и есть. Написание книги – это очень медленное чтение. Мои читатели не те, кто глотает книги, это мои соплеменники, не бездельники.

– *А что вы сами читаете?*

– У меня сейчас длительный период нечтения. Думаю, что значительную, могучую литературу ежедневно читать невозможно: душа устаёт. В ежедневное чтение не верю и не считаю это глубоким.

– *Как вы относитесь к тому, что некоторые ваши произведения включены в школьную программу?*

– Не считаю, что это полезно. Школьная программа лишает тебя будущего читателя. (*Смех в зале.*) Виталию Бианки уже все равно, а мне нет. Я бы на моих книжках указал: от четырнадцати лет. Раньше не надо.

– *Какие ваши политические взгляды? Вы кто – либерал, демократ, патриот, как относитесь к власти?*

– Я не либерал и не демократ, я просто живу в России. Зачем ставить штамп? Я сложный человек. Если бы я вам сказал, что люблю Путина или не люблю Путина, вы не захотели бы со мной разговаривать... Или что люблю Бунина – и вы бы стали со мной разговаривать, а я, допустим, не люблю Бунина... После текста в моем блоге от 3 сентября (текст про Украину, вызвавший большой резонанс. – *Л. К.*) часть людей перестала со мной здороваться, часть – почувствовала родственную душу. Я писал текст три дня. Что с ним дальше происходило, я не знаю, я отключился. Меня занимает не вопрос, что происходит, а переживания, связанные с тем, что происходит. Я сторонник задавать вопросы и сам на них отвечать. Ощущение Родины – это как религия, и кричать об этом человеку не стоит. Если люди в Украине готовы ударить «колорада», они не любят Родину, они любят идею. А Родина состоит из людей. Не любишь их – не любишь Родину.

– *Пойдёте ли на «Марш мира»? Считаете, что прийти – это поступок?*

– Если бы был в этот день в Москве, не пошёл бы. И уж точно не потому, что боюсь. У каждого человека, который придёт, будет причина там находиться. Сколько людей будет – столько причин. У кого-то это будет поступок, у кого-то – за компанию. В песне, которую я пою с грузинской группой «Мгзавреби», есть слова: «Меня спросили: Ты с кем? А я сказал: Конечно, я с вами. А потом? А потом я хочу побыть с ними. А потом? А потом я хочу побыть один». Почему люди ставят перед выбором?

– *Сможете говорить с тем, кто убил?*

– Не смогу и не буду. Я вообще не буду говорить с человеком, который хочет не разговаривать, а высказаться. Когда человек ненавидит, гневается, он несчастен. Он предаёт какие-то главные условия жизни.

– *Чего людям не хватает, чтобы жить в мире и согласии?*

– Напротив, избыток – гнева. Я интересовался у священника: бывает ли гнев праведным? Нет, ответил он, гнев не может быть праведным.

– *Доброты не хватает в мире?*

– У меня друг в Кемерово, сорок семь лет, добрый. Поехал на Донбасс добровольцем. Другой друг, бывший, – большой, сильный человек – участвовал в событиях в Одессе, когда сжигали людей... Доброта, понимание – всё под гневом отключается.

– *Вы сегодня говорили о политике...*

– О политике ни слова сегодня не было. Мы говорили о переживаниях.

– *Вы умеете не обижаться и не завидовать?*

– Я ревнивый, но завидовать не умею. Обида – это защитная реакция, это упрощение ситуации. Когда человек живёт в состоянии обиды – это как инвалидность.

– *А как научиться не обижаться?*

– Можно посердиться, но не говорить человеку, что он негодяй, дурак. Позвонить первым, даже если вы правы.

– *То есть простить?*

– Кто мы такие, чтобы прощать...

22 октября

Журнал «Профиль».

Текст: Сергей Кумыш

Запечатлённое время

Новая книга Евгения Гришковца показывает всю прелесть материального мира.

Человек, когда-то ставший олицетворением нулевых, естественным порождением беззаботной и уже безвозвратно ушедшей эпохи, когда мы почувствовали не просто надежду на стабильность и мир, но успели к этому состоянию почти привыкнуть, теперь нередко подвергается гонениям. Люди продолжают покупать его книги, ходить на его спектакли и при этом осыпают его имя проклятиями. Особенно странным выглядит тот факт, что часто это одни и те же люди.

В начале сентября у себя в блоге Евгений Гришковец опубликовал эссе под названием «Я так думаю». Уже в названии было обозначено, что текст является сугубо личным высказыванием и представляет субъективное мнение. Читаем по слогам: субь-ек-тив-но-е. Однако в Сети появились сотни гневных комментариев. «А я так не думаю», «Он думает неправильно», «Был хороший, стал плохой» – смысл примерно таков. Открытые письма, откровенные пародии, снисходительные реплики всезнаек. Расскажи, мол, про детство, спой с грузинами, а в политику не лезь.

А потом спектакли – и полные залы. Презентация новой книги – и верхние строчки в топах продаж. И альбом с грузинами – один из самых популярных за всю историю существования российского сегмента iTunes. Во всём этом есть явное несоответствие, демонстрирующее ханжество диванных ораторов, едкие реплики которых один телеведущий в своё время удачно сравнил с казарменным метеоризмом.

Если писателю Евгению Гришковцу удалось непостижимым образом оскорбить ваши чувства, то лучше не читайте эту статью и займитесь более полезными делами. Если же нет, то давайте поговорим.

Его новая книга «Одновременно: жизнь», по сути, не является новой. Это собранные под одной обложкой тексты из блога odnovremenno.com, которые он ежегодно публикует последние шесть лет. Все записи выкладываются в открытом доступе по мере написания, задолго до выхода книги, и появление бумажной версии – это, как правило, возможность перечитать то, что уже было читано в течение года, пополнить домашнюю библиотеку. На бумаге, надо сказать, тексты приобретают совсем иное звучание, дополнительное обаяние и объем. Мир материален, и свои безусловные плюсы в этом есть.

Записки, разные по жанру – эссеистика, очерки с чётко выстроенной композицией и просто дневниковые записи, обрывочные, личные, но от этого не менее интересные. Он рассказывает о своих гастролях, о разных городах, о разной публике, о доме и семье. Словом, о том, из чего состоит его жизнь. В некотором смысле все это уже было – постоянная смена часовых поясов, родной Кемерово и обретённый Калининград, жена Лена и дочь Наташа, младшие дети и старые друзья. Но этот набор привычных фактов является лишь формообразующим эскизом, из которого вырастают новые места, события и лица.

Вот, например, греческий остров Корфу. То, что пишет о нём Гришковец, выходит далеко за рамки стандартного травелога. Это не просто описание местности, не просто яркие портреты коренных жителей, впечатления и мысли (словом, всё то, что можно найти в журналах вроде «Вокруг света»). В первую очередь корфийские записи Гришковца – это монолог, вписанный в доселе не исследованный пейзаж. Попытка найти качественно новые слова, открыв для себя новое качество жизни.

У внимательного читателя может возникнуть вполне резонное возражение: Гришковец всегда пытается писать о новых местах с позиции если не первооткрывателя (глобус ведь давно исследован, не так ли?), то приоткрывателя. Ищет – и, главное, находит – очевидные детали, которые до него мало кому удавалось обнаружить.

Всё это, несомненно, так. Но в случае с Корфу, в силу ряда причин, текст приобретает новые свойства. Образ острова проходит через всю книгу рефреном, повторяющимся мотивом, что придаёт прозе песенную интонацию и обрывочный характер сновидения. Взяв нужный разгон, слова приобретают небывалую лёгкость и, подобно взбитым сливкам, бук-

важно тают на языке. Настоящее гастрономическое удовольствие, если так вообще можно сказать о тексте.

Отдельного внимания, тихого, вдумчивого чтения заслуживают страницы, написанные о посещении дома Андрея Тарковского. Гришковец не раз писал о том, что Тарковский является для него духовным ориентиром, очищенным образом художника. А потому в документальных записках о его доме вдруг возникает мистика. Происходит их встреча, безмолвный диалог. Человек, когда-то написавший книгу «Письма к Андрею», не рассчитывал на ответ. Но этот самый ответ он всё-таки получил.

Одна из самых страшных и пронзительных записей – о Марине Цветаевой, о последних днях её жизни, которые прошли в Елабуге, небольшом городе в Прикамье. О музее самоубийства, который там, по сути, основали после смерти поэтессы. Называется музей иначе, но разве это что-то меняет?

Примерно во второй части книги резко меняется язык. Почти во всех текстах появляется тревожная нота, вызванная событиями на Украине. Одна из последних записей – о майских событиях в Одессе.

Тарковский говорил, что главная цель кино – запечатлеть ход времени. Проза Гришковца в данном конкретном случае – это тоже запечатлённое время. Хроника меняющегося мира, в который входят войны, в котором преломляется матрица человеческой жизни. Но в котором подлинная красота, несмотря ни на что, остается неизменной.

Нападки на него во многом вызваны именно этим. Некоторые люди не видят (не хотят видеть) разницы между надеждой и прекраснотушием. Отсутствие попытки найти логику в происходящем считают трусостью, следование собственным убеждениям называют чуть ли не предательством.

Время, конечно, всех рассудит, как бы наивно это ни звучало. Но прежде чем выносить очередной грозный вердикт, стоит задуматься о том, что наше время тоже будет запечатлено. И что мы увидим в этом слепке – искажённую гримасу или человеческое лицо – зависит только от нас.

От каждого из нас.

«Театр.doc»

Этой осенью я совсем не пишу в дневник. Не знаю, о чём писать, и не пишу. Осенью обычно я писал про осень, про пейзажи, про дороги, которые мне выпадали на осенние гастроли, про впечатления... Этой осенью не хочу писать про осень, потому что она не является главным событием и лирическим переживанием. Наверное, такая осень. И очень тяжёлый общий фон. Не до лирики.

А сегодня я знаю, о чём написать.

Закрыли «Театр.doc».

Думаю, что об этом знает совсем немного людей. Не знают потому, что не так уж много людей знали и знают о его существовании. К тому же в новостях об этом закрытии не говорилось, да и о прежних успехах театра в больших новостях никогда не сообщалось. При этом берусь утверждать, что закрытие «Театра.doc» – это значительное трагическое, символическое и даже знаковое событие для современной русской культуры. Событие, которое известно скорее специалистам и профессионалам, но при этом беда для всего современного русского литературного, театрального и киноконтекста.

Когда в октябре театр закрыли, это показалось недоразумением, глупостью и чьей-то оплошностью, которая будет моментально исправлена. Поскольку закрытие произошло, очевидно, не по идеологическим или политическим причинам, а по сугубо хозяйственным: арендодатели не продлили аренду, театру предъявили претензии в связи с незаконной пере-

планировкой, ещё какая-то чушь. Для тех, кто не знает: «Театр.doc» – это крошечный подвальныйчик общей площадью метров сто пятьдесят. Что эти сто пятьдесят квадратных метров в масштабах страны, над которой я, в то время когда закрывали «Театр.doc», летел из Магадана до Москвы больше десяти часов?

«Театр.doc» существует двенадцать лет. Я помню, как он создавался, сам участвовал в его основании. Участвовал полемически, в спорах, сомнениях. Но я помню, что возник он из невероятной потребности целой плеяды молодых и не очень молодых драматургов говорить современным, сегодняшним русским языком о современной, сегодняшней жизни и сегодняшнем русском человеке. В сущности, это был первый сугубо драматургический театр, значение которого невозможно переоценить, поскольку он был первым и остался единственным в своём роде.

В течение многих лет я часто критиковал, вступал в теоретические споры с «Театром.doc». Высказывал массу несогласий с методами их работы, а главное – тематикой, к которой «док» имел природный интерес. Но именно «Театр.doc» убеждал меня в том, что нужно делать то, что я делаю, ещё убедительнее и точнее, чтобы быть в наших спорах убедительным и точным. Можно сказать, что мои спектакли были отчасти моими высказываниями в этой полемике. Но это был внутренний, важный и содержательный спор, в котором «Театр.doc» был абсолютно необходим. Лично мне. Это я сейчас сказал об участии «Театра.doc» в моём творческом профессиональном процессе.

На самом деле все годы существования театра он проделывал колоссальную работу, которую никто ни в Министерстве культуры России, ни в министерствах культуры на местах не делал, не собирался делать и даже не глядел в эту сторону.

Фактически «Театр.doc» является (не хочу говорить «являлся») единственным действующим адресом, куда любой человек, решивший написать на русском языке пьесу или жаждущий найти современную пьесу на русском языке, мог обратиться и куда мог прийти, приехать, прилететь и быть услышанным, принятым, понятым. В этом смысле влияние «Театра.doc» неопределимо. В этом театре накоплена мощнейшая информационная база. Его бесспорно знают в тех странах, для которых современный театр является важной составляющей культурной жизни. Через него прошли многие и многие люди, которых теперь мы знаем как заметных и важных драматургов и сценаристов. Во многом именно «Театр.doc» не давал забыть о России как о стране с великими – я подчёркиваю, с великими – драматургическими традициями.

«Театр.doc» нужно немедленно спасти!

Так случилось, что «Театр.doc» находится в Москве, и решать с ним вопрос должно московское правительство. Но этот театр имеет общероссийское значение, а также для всего культурного контекста, где люди пишут на русском языке, то есть для Белоруссии, Казахстана, Украины – для всего пространства, где кто-то что-то вдруг захочет и решит написать для театра на русском языке.

Вопрос упирается в то, что кому-то приглянулся маленький московский подвал, в котором за двенадцать лет существования было написано и сыграно такое количество пьес и спектаклей, что не поддаётся счёту. И делалось это в том самом творческом процессе, который многими уже забыт как таковой, то есть бесплатно или почти бесплатно. Думаю, весь годовой бюджет «Театра.doc» был существенно меньше заработков одного из средних резидентов пресловутого «Комеди клуба».

Закрыли «Театр.doc». Не кружок китайской чайной церемонии, студию оригами или клуб кришнаитов, но уникальное культурное явление, в котором люди осуществляли жизнь и существование современной русской драматургии. А драматургия для России – одно из важнейших национальных достояний, мы – родина Островского, Чехова, Булгакова, Вампилова, Володина.

Вот и получается, что русская драматургия, как шагреневая кожа, уменьшилась до размеров крошечного «Театра.doc», и её незаметно, под шумок больших политических событий и экономических передряг выбросили... Выбросили только потому, что, скорее всего, какому-то жадному, бессмысленному бизнесмену понадобился московский подвал. Это, с одной стороны, не укладывается в голове, а с другой – это много говорит о том, какое место те, кому принадлежат подвалы, недвижимость, финансы, малая и большая политика, отводят современной культуре – никакое... То есть места ей нет.

Гораздо проще и веселее проводить лихие городские праздники, световые шоу, огромные многобюджетные фестивали, на которых культурного продукта и нового художественного произведения не возникает. Проще и веселее заигрывать с могучими и известными деятелями театра и кино, которые ваяют дорогущие блокбастеры и мюзиклы, чем вникнуть, разобраться и помочь по-настоящему важному, трудоёмкому, со стороны не очень понятному, но подлинному художественному явлению, которое, в сущности, и является самобытной русской культурой.

«Театр.doc» надо спасать! В противном случае возникнет ещё одна дыра в и без того дырявом современном русском культурном контексте.

Кому я это написал? Не знаю! Наверное, Лене Греминой, Мише Угарову, людям, которые столько лет были тем самым адресом, на который шли-ехали-летели те, кто что-то захотел написать для современного театра. Написал я людям, которые являются «Театром.doc», то есть драматургам, режиссёрам, актёрам, которые через него прошли, и тем, кто до 15 октября в нём работал.

Наверное, написал я это Сергею Капкову, министру культуры Москвы, который, как мне думается, должен всё бросить и заняться спасением этого маленького театра.

А что ещё я могу сделать?

Вот такая трудная осень. Эта осень войдёт в историю тяжёлыми политическими событиями, авиакатастрофами, экономическим кошмаром... Но очень не хочется, чтобы она вошла в историю и как последняя осень маленького «Театра.doc».

12 ноября

Рано утром вернулся из Пекина в Москву. Пробыл в столице Китая пять полных дней по случаю выхода в продажу моей первой и на сегодняшний день единственной переведённой на китайский книги. Да, в Китае небольшим, можно сказать, крошечным тиражом вышел мой роман «Рубашка». В переводе Фу Пиньси.

Так случилось, что выход книги и мой приезд совпали с саммитом АТЭС. Никто из моих друзей не верит в то, что я поехал в Пекин не в составе делегации, не для того, чтобы осуществить некую культурную программу саммита, и что всё это чистое совпадение.

Это ужасно обидно – не только потому, что мой приезд и выход книги планировался сильно раньше назначенных мероприятий АТЭС, не только потому, что никакой практической и даже просто моральной помощи и поддержки ни с какой стороны от руководства не было оказано – посольства обеих стран не проявили никакого интереса к выходу книги... А должен сказать, что за последние двадцать с лишним лет в большом Китае практически не выходили книги современных российских литераторов. В Гонконге что-то переводилось, а в большом Китае – нет. Так что совпадение совершенно случайное, события эти никак не связаны. Да ещё бронь в гостинице, сделанная заранее, благодаря АТЭС была аннулирована, так как на моё место должен был приехать участник саммита.

К тому же в Пекине были приняты такие меры безопасности, что очень многое из того, что непременно хотелось увидеть и осуществить, – сделать было невозможно. Путин, Обама и другие своим присутствием нарушили обычную жизнь Пекина на все дни моего пребы-

вания. И если к Путину я как-то привык и перекрытие дорог меня не особенно удивляло, то невозможность посмотреть или посетить важные и волнующие меня места из-за присутствия Обамы было делом обидным. Мы никогда не были так близки с Обамой, и эта близость не доставила мне радости.

Кстати, Обама огорчил китайцев тем, что привёз с собой свой автомобиль, и его возили на нём якобы потому, что он не захотел садиться в машину китайского производства. Остальным лидерам были предоставлены китайские суперавтомобили под названием «Красное Знамя». Если бы я выбирал между «Красным Знаменем» и «Роллс-Ройсом», я выбрал бы первый, но он дороже.

В общем, я так ждал этой поездки, мы с Пиньси так готовились, особенно он. Мы волновались... А тут на тебе. Обама и Путин.

Сказать, что я впечатлён, – это ничего не сказать. И сейчас, после длительного перелёта и перед вечерним спектаклем в Москве, ничего писать о Китае не буду. Хочу, вернувшись домой, в Калининград, сесть и оформить впечатления в несколько объёмных записей. Китай, мои приобретённые китайские друзья и знакомые и впечатления, которые мне посчастливилось получить, требуют вдумчивой работы.

Мои друзья, которые давно работают с Китаем и китайцами, многое мне советовали, о многом предупреждали и от многого предостерегали. Все мои впечатления совершенно расходятся с их опытом и представлениями. Но все мои знакомые, работавшие с Китаем, – это бизнесмены и политики разного уровня. Я же общался с другими людьми и по другому поводу. Самое большое изумление – это то, что мы с китайцами не так бесконечно далеки и не так различны, как многие думают и в чём многие уверены. Общего в той самой сфере жизни, о которой мои друзья-бизнесмены ничего не знают, у нас с нашими ровесниками и городскими образованными жителями Китая гораздо больше, чем с голландцами или датчанами. Это видно, и это чувствуется в атмосфере книжных магазинов, в оперном театре или даже при прослушивании радиостанции в машине моего переводчика и друга Фу Пиньси. В России нет ни одной радиостанции, на которой было бы столько той музыки, которую я люблю, и это радио не хочется переключать вовсе... А ещё я был в доме своего китайского ровесника и человека, близкого мне социально, а также близких жизненных интересов, но об этом потом. Мне предстоит сыграть какое-то количество спектаклей и объехать ряд городов, прежде чем я смогу, добравшись до дома, написать о китайских впечатлениях так, как того мои пекинские впечатления заслуживают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.